Р. С. Ф. С. Р.

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Н. КАКУРИН

РУССКО-ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ 1918—1920

ПОЛИТИКО-
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

ДОБЛЕСТНЫМ ВОЙСКАМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
ПОСВЯЩАЕТ ТРУД СВОЙ — АВТОР

Н. КАКУРИН

РУССКО-ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ 1918—1920

ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА — 1922

В. В. Р. С. № 550. О. В. Ц. Л. Тираж 5000.

Р. Ц. № 1654. Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого 10)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

4

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд не представляет собой серьезного военно-исторического исследования. Этого не допускают уже одни его размеры. Автор просит смотреть на его работу, как на попытку в связном виде представить ход борьбы Советской России и панской Польши в течение почти трехлетнего промежутка времени. Наша литература по этому вопросу пока еще находится в области монографических исследований, но нет еще цельного и связного, хотя-бы и краткого повествования о последовательном ходе самой борьбы. Наш труд преследует именно эту цель.

Исходя из мысли, что стратегия является продолжением политики, но лишь осуществляемой иными средствами, мы в нашем очерке даем изложение хода военных операций в рамке современной им политической обстановки и стараемся проследить связь политики и стратегии. Описываемые здесь события, имеют, на наш взгляд, большое историческое значение, так как здесь впервые в истории мы встречаемся с вооруженной борьбой пролетарского и буржуазного государств. В этой войне мы усматриваем прообраз войн грядущей эпохи, почему изучение ее должно быть для нас особенно интересным.

Политическая и военная обстановка самой войны настолько сложна и интересна, что подробное ее исследование заняло-бы очень много места. Мы старались в нашем очерке установить лишь причины и следствия главнейших событий.

Поэтому настоящая книга является лишь наброском, дающим общие контуры того труда, который мы предполагаем составить в ближайшее время по этому же самому вопросу. Цель ее—дать для командного и политического состава Красной армии краткий политико-стратегический очерк всей борьбы Советской России с белой Польшей.

Вместе с тем мысль автора невольно переносится и к тем незаметным и скромным героям, совокупные усилия которых сплели венок побед нашей славной Красной армии. Им, этим оборванным, обкуренным пороховым дымом, но грозным для врага солдатам пролетариата, берет на себя смелость посвятить скромный труд свой автор.

Автор.

23 февраля 1922 г.
Москва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1) Л. Троцкий. Советская Россия и буржуазная Польша. Речь на митинге в Гомеле. Москва 1920 г.
2) Л. Троцкий. Война с Польшей. Доклад тов. Троцкого на об'единенном заседании В. Ц. И. К., Московского Совета Раб. и Красноармейских депутатов, правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. 5 мая 1920 г. Москва, 1920 г.
3) Adam Grzymala—Siedlecki Cud wisty.
4) Polska Zbrifna № 2, № 10 январь 1922 г.
5) „Политвестник" № 4—1921 г.
6) «Советская Россия и Польша»—издание Наркоминдел 1921 г. Москва.
7) «Красная книга». Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918 — 1920 г.г. Москва. 1920 г.
8) Сборник трудов военно-научного общества при Военной Академии. Книга первая. 1921 г.
9) «Военная наука и революция». Книга вторая. 1921 г. Москва.
10) «Военный зарубежник». Вестник военно-научного общества при военной Академии. № 4—5. 1922 г. 1 февраля Москва.
11) Н. Кудрявцев. Очерк боевых действий Красного Западного фронта. Издание Политуправления Революционного Военного Совета Западного фронта. Смоленск. 1921 г.
12) Историко-стратегический очерк XVI армии. Составлен в штабе XVI армии. Могилев. 1921 г. (издание не подлежит оглашению).
13) Отчеты об операциях Красной армии и флота за период с 1/XII—1919 г. по 25/XI 1920 г. Составлено полевым штабом Р. В. С. Р. Москва. 1920 г.
14) «Bellona»—польский военный журнал 1921 г. Варшава.

ВВЕДЕНИЕ.

Борьба Советской России с панской Польшей занимает совершенно особое место в истории вооруженных столкновений народов.

Начать с того, что обе стороны не обменялись, как это было принято до сих пор, нотами об об'явлении войны.

В течение всей борьбы дипломатические сношения между обоими правительствами то прерывались, то вновь возникали. Наконец, в течение всей борьбы наиболее сознательные, стойкие и испытанные в революционной борьбе представители польского пролетариата были на стороне рабоче-крестьянского правительства.

Из краткого обзора событий, предшествовавших тому периоду, когда борьба Советской России и панской Польши приняла формы настоящей войны, мы увидим, почему польский пролетариат был лишен возможности сказать свое решительное слово в начавшейся вооруженной борьбе и вынужден был проливать свою кровь за чуждые ему интересы.

В истории революционного движения России судьбы польских и русских трудящихся масс были тесно связаны. Лучшие представители русского и польского пролетариата, наиболее сознательные и самоотверженные, плечо к плечу боролись с равно им ненавистным и равно их угнетавшим царским режимом. Много славных общих воспоминаний хранят и те и другие из этого периода совместной борьбы.

Но вот вспыхнула империалистическая война. Ходом событий польские трудящиеся массы были отделены от русских стеной штыков империалистических армий; им оставался лишь путь идейной связи.

Империалистические правительства Австрии и Германии использовали период оккупации Польши для подавления революционных стремлений польских рабочих масс. Эта задача облегчалась для них тем, что крупная польская промышленность в это время была совершенно дезорганизована, что отразилось, конечно, и на организации и целости рабочего класса. Часть крупных польских заводов была эвакуирована в Россию; с ними эвакуировалось и значительное число рабочих. Поль-

ские крупные заводы и фабрики, оставшиеся в Польше, бездействовали, так как не в интересах центральных держав было оживлять польскую промышленность и поддерживать ее; в силу этого рабочий класс в Польше был распылен и ослаблен.

В то время, когда русские рабочие и крестьяне, захватив в свои руки власть, начали борьбу с мировой контр-революцией, польский рабочий класс не мог поддержать своих товарищей. Он был придавлен режимом оккупации.

Правителвство, созданное Центральными Державами — польский регентский совет «рада регенцийна»,—было составлено из реакционных и капиталистических элементов; в угоду военным властям держав, поставивших его, оно проводило политику, враждебную Советской России и душило свой собственный пролетариат. Когда разразилась революция в Австрии и Германии, а вслед за ней наступило перемирие на фронтах мировой бойни, австрийские и германские части начали очищать оккупированные территории. С уходом австрийцев и германцев власть в Польше перешла к мелко-буржуазному правительству Морачевского. В этот переходный момент польский пролетариат, всилу прешествовавшего его ослабления, очевидно, не мог еще захватить власть в свои руки, как это сделал русский пролетариат.

Советская Россия в своей политике, являющейся политикой трудящихся, всегда искала мира. Эту свою миролюбивую политику Советское правительство точно, последовательно и неуклонно проводило в своих сношениях, предшествовавших началу борьбы и в течение самой борьбы, со всеми польскими правительствами, к какой-бы ориентации они не принадлежали и какую бы политическую физиономию не имели их члены.

Не то мы видим со стороны ряда польских правительств, последовавших за пресловутой регенцийною радой. Их политика носит на себе отпечаток двойственности и колебания. Чем сложнее социальная обстановка в Польше, чем менее уверенным в своей прочности чувствует себя польское правительство, тем более выражает оно готовность столковаться с Советской Россией. Но, по мере того, как реакция в Польше крепнет, а поддержка и влияние Антанты, особенно Франции, растут, польское правительство становится более заносчивым в своих притязаниях и, наконец совершенно оставляет без ответа все миролюбивые предложения Советского правительства.

Особенно ярко это проявилось в 1920 г., когда Франция приобрела решающее влияние на политику Польши. С начала этого года польское правительство становится особенно заносчивым и требовательным, оно явно добивается срыва дипломатических переговоров, выдвигая все менее приемлемые условия. Причины этого теперь для нас ясны.

С одной стороны, необходимо соблюсти видимость приличия по отношению к массам трудящихся Польши и всего мира, взвалив всю ответственность за продолжение войны на Советскую Россию, с другой стороны, необходимо удовлетворить требования Франции, послушным слугой которой сделалось польское правительство. Польскому правительству не удалось однако этой двойной игрой обмануть ни своего, ни европейского пролетариата. Отношение мирового пролетариата к воюющим сторонам определенно выразилось в том противодействии своим правительствам, которое он сумел организовать, когда они захотели помочь оружием и снаряжением панской Польше.

Линия поведения и политика Советского правительства, оставалась неизменной и в самый разгар вооруженной борьбы и наших успехов. Оно, как и все трудящиеся массы России, ясно сознавало, что борьба идет не с польским народом, как таковым, а с классом насильников и эксплоататоров польских народных масс и выдвинутым им правительством, послушным исполнителем воли отечественных и французских капиталистов.

Как мы упоминали, дипломатические отношения между обоими правительствами неоднократно то возникали, то прерывались в течение всего периода борьбы. За это время политика польского правительства подвергалась различным колебаниям и изменениям, в зависимости от внешней и внутренней обстановки; формы борьбы также видоизменялись в зависимости от той же обстановки. Все это заставляет нас рассмотреть и политическую и военную обстановку различных периодов борьбы, для того, чтобы у читателя получилось представление о последовательности развивавшихся событий.

В борьбе Советской России с панской Польшей мы различаем четыре периода:

Первый—с момента очищения германцами и австрийцами занятых ими территорий до окончательного самоопределения советских республик Литвы и Белоруссии.

Второй—характеризующийся натиском белой Польши на эти республики и закончившийся захватом белополяками большей части их территории.

Третий период,—отмечаемый временной приостановкой польского наступательного движения на восток и использованный польским правительством для подготовки к новому удару.

Наконец, четвертый период—период ожесточенной борьбы панской Польши с Советской Россией.

Борьба Советской России с панской Польшей.

(Очерк советско-польской войны 1918—1920 г.г. и бандитизма 1921 г.).

Как возник Западный фронт.

Для большей полноты и последовательности нашего изложения, вернемся несколько назад ко времени Брест-Литовского мира.

Наша мирная делегация неоднократно в течение переговоров официально заявляла о полном признании Советским правительством независимости и самостоятельности Польши; она предлагала Германии и Австрии последовать примеру России, предоставив оккупированным областям Польши вполне свободно решить свою судьбу путем самоопределения. В своем отдельном заявлении тов. Троцкий еще раз торжественно заявил, что Советская Россия целиком и без всяких ограничений признает независимость польского народа и Польского государства [1]).

Что политика Советской России по отношению к Польше была действительно искренней, показывает декларация представителей социал-демократии Польши и Литвы в Бресте от 7 марта 1918 г. [2]). Подтверждая заявление российской делегации и тов. Троцкого, представители эти указывали, что они являются выразителями воли всероссийского с'езда беженцев, состоявшегося в ноябре 1917 г., а также воли пролетариата Польши и Литвы, выявленной на с'езде рабочих организаций в Варшаве, во многих воззваниях легальных и нелегальных, на митингах, собраниях и в речах всех групп населения Польши.

[1]) См. «Красная Книга»—сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918—1920 г.г. Издание Наркоминдел. Стр. 13. Заявление тов. Троцкого в Брест-Литовске от 3/II—1918 г.

[2]) Смотри там-же—стр. 15.

От имени польского пролетариата эти представители далее торжественно заявляли, что лишь революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа.

Советское правительство вполне имело право опереться на эти авторитетные заявления представителей польского пролетариата. Необходимо иметь в виду, что в то время в России беженцев из Польши и Литвы считалось свыше 2.000.000 человек, в подавляющем большинстве они принадлежали к пролетариям. От имени пролетариата Польши и Литвы, находившегося в пределах оккупированной полосы, то же самое говорили его выдающиеся представители. Следовательно, не возникало сомнений, что пролетериат Польши и Литвы идейно вполне поддерживал политику Советского правительства в польском вопросе.

Однако, во время Брестских переговоров Советскому правительству не удалось достигнуть разрешения польского вопроса на основе самоопределения, и надежды родственного нам пролетариата Польши и Литвы не оправдались; ему суждено было еще некоторое время испытывать гнет иностранных эксплоататоров, а затем попасть под пяту собственных империалистов.

После подписания Брест-Литовского мира Советское правительство вынуждено было обратить главное свое внимание на борьбу с отечественной контр-революцией, организовавшейся в то время в Сибири, на Дону и на северном Кавказе.

Верное провозглашенным им принципам миролюбия и отказа от завоевательных целей, Советское правительство ограничилось лишь необходимой охраной своих западных границ.

Первое время после заключения Брестского мира охрана этих границ неслась теми вооруженными отрядами, которые пролетариат выдвинул из своей среды вместо окончательно распавшейся старой армии. Это были партизанские отряды из рабочих и крестьян.

Увеличение количества этих отрядов и укрепление Советской власти вообще потребовало и известной их организации и об'единения управлениями.

Это и вызвало образование 19 марта 1918 г. Западного участка отрядов завесы со штабом на ст. Сухиничи. В состав западного участка отрядов завесы вошли, одновременно с ним сформированные, Невельский, Смоленский, Брянский и Курский районы. Отряды завесы не имели правильной штатной организации, комплектовались исключительно добровольцами; численность их сильно колебалась в зависимости от притока и убыли добровольцев. Задача, выпавшая на штаб завесы в боевом отношении заключалась в охране и обороне западной границы; в организационном отношении надлежало перестроить партизанские отряды, и свести их в войсковые соединения

однотипного характера, на основе регулярной армии, согласно об'явленному декрету о сформировании Красной Армии.

По мере этой организации Западный участок завесы обращается в Западный район обороны со штабом в г. Смоленске. Этот штаб включает уже некоторые органы будущего армейского управления.

К началу осени 1918 г. в состав западного района обороны входили части 2-го округа пограничной охраны, делившегося на 6 районов, и дивизии: Псковскую, 2-ю Смоленскую и 1-ю Витебскую, слившиеся впоследствии в 17 стр. дивизию. Дивизии эти находились еще в периоде формирования.

Задача района преследовала те же цели, что и задача завесы. Предусматривалась между прочим и необходимость занятия очищаемых немцами районов, так как можно уже было предвидеть в скором времени начало ими этой операции.

Действительно, в конце октября 1918 г. вспыхивает революция в Австрии, а 9-го ноября того же года под ударами революции падает власть Гогенцоллернов в Берлине. Обе революции отзываются тотчас-же на армиях центральных держав; демобилизационное настроение охватывает их, и они начинают разлагаться; процесс разложения все ширится и австро-германские части начинают спешно покидать фронт.

Польша была освобождена от давившей ее оккупации, власть регенционной рады, ставленницы центральных держав, свергнута, но сорганизовавшиеся буржуазные и кулацкие элементы успели захватить власть в свои руки, и новое польское правительство оказалось представленным мелко-буржуазным кабинетом Морачевского. Пролетарские польские массы России живо откликнулись на переворот, свергнув в Москве агентов созданной германцами регенционной рады и заменив их своими представителями при Советском правительстве.

Этот эпизод и послужил поводом к первым непосредственным сношениям нового польского правительства с Советским правительством.

Правительство Морачевского протестовало против этого, хотя отлично знало, что свергнуты были агенты той самой рады, которая была навязана Польше германцами.

Советское правительство, заботясь прежде всего о мире с Польшей, сделало этому правительству ряд уступок. Но притязательность правительства Морачевского росла по мере нашей уступчивости. Несмотря на искреннее приглашение Советского правительства завязать постоянные дипломатические сношения, кабинет Морачевского уклонялся от прямого ответа, ища все новых поводов для обострения отношений с Советской Россией. Правительство Морачевского протестовало против тех мер, которые Советское правительство вынуждено было принять по отношению к своим врагам внутри Советской России, в том числе и к некоторым из польских граждан, требовало

расследования действий советских органов, вознаграждения семейств, подвергшихся репрессиям польских граждан и т. д.

Дальнейшие события выяснили причины такой политики. Уже тогда польское правительство имело в виду покушение на целость и самостоятельность дружественных нам республик Литвы и Белоруссии, население которых, по мере освобождения территории от германской оккупации, деятельно организовывало советы и ожидало прихода своей Красной Армии. Опираясь на свободное волеиз'явление широких трудящихся масс Литвы и Белоруссии, Советское правительство России не могло отказать им в защите, и Красные войска получили приказание готовиться к движению вперед.

За это время западный район обороны был преобразован в западную армию; произошло это 15 ноября 1918 г.

Наличный состав войск западной армии ко времени ее образования был таков:

2-й округ пограничной охраны—3156 штыков, 61 сабля, 11 пулеметов. Псковская дивизия—6 полков, 2 батареи—783 штыка, 61 пулемет, 2 эскадрона, 8 орудий; 17 стр. дивизия—8 полков, 1 эскадрон, 2 артиллерийских дивизиона, одна гаубичная батарея. Витебская дивизия—2 эскадрона и 1 батарея, временно подчиненные 3 или 4 роты Варшавского полка—5513 штыков, 199 сабель, 169 пулеметов, 4 гаубицы, инженерные, специальные и авиационные части.

В состав армии главным образом входит пролетариат не только Литвы и Белоруссии, но даже и Польши, и таким образом эта армия явилась не чуждой, а родственной трудящимся массам Литвы и Белоруссии, ожидавшим ее помощи и поддержки. Как боевой элемент, войска эти являлись уже частями хорошо сколоченными, дисциплированными и надежными.

Немецкие части начали свой отход перед фронтом армии в половине ноября 1918 г.

Западная армия начала планомерное продвижение вперед вслед за отходящими германцами.

В начале декабря в состав армии была включена западная дивизия, образованная из 3-го Седлецкого, 4-го Варшавского, 5-го Виленского и 6-го Гродненского полков.

9-го декабря 1918 г. Красными частями был занят Двинск, а на следующий день Красные полки вступили в г. Минск.

Трудовое население Литвы и Белоруссии восторженно приветствовало свою освободительницу—Красную Армию. Население выходило навстречу войскам с красными знаменами, особенно торжественная встреча была в г. Минске.

Продвижение армии пока не встречало особых затруднений; лишь на левом фланге происходили незначительные столкновения с отрядами гайдамаков, действовавшими со стороны Украины. К концу 1918 г. армия достигла линии Якобштадт, ст. Ловша (в Поневежском направлении), Новоалександровск,

м. Гадуцишки (восточнее Свенцяны), Сморгонь, ст. Листопады, м. Мир, Несвиж, далее фронт армии загибался под прямым почти углом на восток, не доходя 10 верст до линии железной дороги—Пинск—Лунинец—Гомель.

Таким образом, к исходу 1918 г. Красная армия заняла значительную часть Литвы и Белоруссии.

Польское правительство Морачевского, питавшее захватнические планы в отношении Литвы и Белоруссии, не могло спокойно смотреть, как намеченная добыча ускользает из его рук, благодаря продвижению Красной армии. Идя путем всех империалистических правительств, оно скрывало свои истинные намерения под маской лицемерных заявлений об опасности, угрожающей Польше со стороны Красной Армии.

В своей ноте от 22 декабря 1918 г. польский министр иностранных дел Василевский обращался к нашему народному министру т. Чичерину с протестом против продвижения Советских войск к польской государственной границе; он заявлял, что польское правительство усматривает в операциях этих войск явно враждебный акт против Польши. [1])

Наш народный комиссар иностранных дел в своей ответной ноте вполне резонно указывал польскому правительству, что Советские войска значительно удалены от польских пределов, а кроме того отделены от них Литвою и соседней частью Украины. Далее та-же нота указывала, что упорное нежелание польского правительства вступить в деловые сношения с Советским правительством гибельно отражается на судьбе многих тысяч польских беженцев, скопившихся на западных границах Советской республики и стремящихся вернуться на родину. Однако, и после этого правительство Морачевского продолжало уклоняться от прямых и искренних переговоров; оно затягивало их, очевидно выигрывая время для подготовки вооруженного нападения на Литовскую и Белорусскую территории; вместе с тем, с целью ввести в обман своих рабочих и крестьян, оно продолжало лицемерно обвинять Советское правительство в агрессивной и империалистической политике, в навязывании советского строя населению Литвы и Белоруссии. [2]) В этих заявлениях чувствовалась уже плохо скрытая угроза: ссылаясь на присутствие в рядах западной армии некоторых частей, сформированных по национальному признаку, польское правительство видело в этом прямую угрозу Польше и намекало недвусмысленно на предстоящее с его стороны вооруженное наступление на территории этих республик.

Но для всякого беспристрастного читателя должно быть ясно все лицемерие и ложность подобных заявлений. Советские войска вступали на территорию Литвы и Белоруссии не в каче-

---

[2]) Там же—стр. 30—31.
[1]) «Красная Книга». Издание Наркоминдел. стр. 27, 28.

стве завоевателей. Советское правительство не навязывало своего государственного устройства этим республикам. Наши войска, вступая на освобождавшуюся территорию, уже находили там Советы; в задачу Российского Советского правительства входило лишь оказание посильной помощи организующимся советам, согласно просьбам и пожеланиям обеих республик.

Лицемерие политики польского правительства станет особенно очевидным, когда мы вспомним, как польские легионеры и контр-революционные банды, вторгнувшись в пределы тех же республик, начали там низвергать установленный самим населением строй и насаждать чуждую и ненавистную ему власть.

До наступления этого времени, к которому втайне и усиленно готовилось польское правительство, ему нужно было выигрывать время, а для этого оно старалось затягивать переговоры с Советским правительством, пользуясь его миролюбием.

Действительно, мы видим, что и в новом 1919 году переговоры между обоими правительствами продолжались, нося тот-же неопределенный и уклончивый характер с польской стороны. Вместе с тем польское правительство не останавливалось уже и перед проявлением явно враждебных действий в отношении Советской власти: так, оно арестовало в начале января 1919 г. в Варшаве русскую миссиию Красного Креста, во главе с т. Веселовским. Это небывалое нарушение международного право заставило Советское правительство в свою очередь подвергнуть задержанию членов польской миссии в России. Правительство бело-поляков вскоре выслало миссию тов. Веселовского из пределов Польши, но ей не удалось вернуться в Советскую республику: недалеко от границы она была расстреляна жандармами, которые должны были охранять и конвоировать ее. Это вопиющее преступление вызвало вполне заслуженный протест Советского правительства. Оно требовало беспристрастного расследования и до удовлетворительного разрешения вопроса задержало членов польской миссии в качестве заложников.

Это дало новую пищу для жалоб и нареканий польского правительства. Обмен дипломатическими нотами оживился, и так дело тянулось до самой весны 1919 г.

Пока происходили эти события, западная армия продолжала выполнение поставленных ей задач. 9-го янввря наши части занимают Вилькомир, 13 января Слоним, 25 января они с боем овладевают г. Пинском.

Продвижение левого фланга армии встречает большие затруднения, вследствие противодействия петлюровских частей и гайдамаков на северных границах Украины. В конце января на фронте западной армии впервые появляются конница и пешие части польских легионеров, и дальнейшее наше продви-

жение становится более медленным, вследствие сопротивления противника.

Тем не менее к 13 февраля части Красной армии занимают фронт Понева, Слоним, Картуз-Береза, станция Иваново (западнее Пинска) Сарны, Овруч.

Отряды польских легионеров становятся все многочисленнее и заполняют западные окраины Литовской и Белорусской советских республик.

Около половины февраля произошло событие большой политической важности: обе республики об'единились в один государственный организм и создали единую Литовско-Белорусскую Социалистическую Советскую Республику.

Эта республика обратилась с нотой к польскому правительству, в которой указывалось, что трудящимся массам этой республики совершенно чужды всякие захватнические и наступательные намерения. Далее правительство этой республики выражало свое намерение образовать совместно с Россией, Украиной, Латвией и Эстонией единую Советскую федеративную социалистическую республику и заявляло протест против насильственного вторжения в Гродненскую губернию, в частности в Белостокский уезд, вооруженных сил Польши.

Эта декларация была наиболее ценным доказательством правильности политики Советского правительства; перед лицом трудящихся всего мира она доказывало его правоту.

Правительство Литвы и Белоруссии предлагало польскому правительству назначить смешанную комиссию для установления границы между Литовско-Белорусской республикой и Польшей. Советское правительство России в ноте от 18 февраля 1919 г., обращенной к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов поддерживало это предложение, указывало на боевые действия польских вооруженных отрядов и предлагало еще раз как Польше, как и всем названным державам, немедленно вступить в переговоры о мирном улажении всех недоразумений.

Однако польское правительство оказывалось попрежнему несговорчивым; оно в это время начинало уже чувствовать за собою моральную и материальную поддержку правительств Антанты, которые как раз в это время потребовали от Германии пропуска польских отрядов, направлявшихся для действий против большевиков, т.-е. против Советских республик. Речь шла об армии генерала Галлера, которая долгое время формировалась во Франции на средства международного, главным образом, французского капитала и носила явно контр-революционный характер.

С этого времени влияние и вмешательство держав Антанты в борьбу против Советской России и братских ей республик на западном фронте начинает принимать более определенные и ощутительные формы. В районе Балтийского

побережья, Антанта, главным образом, в лице Англии, начинает поощрять организацию русских белогвардейских банд и сквозь пальцы смотрит на организацию германских добровольческих частей для защиты остзейских баронов; в Польше, где преобладающую роль начинает играть Франция, Антанта деятельно заботится о создании польской армии и усиливает ее перебрасываемыми из Франции частями генерала Галлера.

Силы контр-революции на западе крепнут, организуются и начинают обнаруживать попытки к наступлению.

Создавшаяся обстановка требует об'единения управления частями Красной армии на западе и северо-западе в одних руках; поэтому 19 февраля 1919 г. образуется западный фронт в составе 3-й армии: 7-й армии, армии Латвии и Западной армии. Штаб северного участка Западного фронта назначается для управления всем Западным фронтом.

Противник переходит постепенно к активным действиям, начиная их с правого фланга нашего общего фронта; германские добровольческие части начинают теснить Красную армию Латвии; на фронте западной армии наши части, продвинувшиеся к р. Неману, вынуждены несколько осадить назад; на левом фланге западного фронта и на фронте украинской армии дела продолжают складываться для нас удачно; петлюровские части отступают под натиском Красных войск.

В виду создавшегося положения, западной армии приказано прочно закрепиться на линии Поневеж, Вилькомир, Жосли, Ораны, Лида, Слоним, река Шара, Огинский канал, Пинск, Сарны; принять меры подготовки к групповой обороне главнейших узлов: Вильно, Лиды, Барановичи и Лунинец; обеспечить положение Красной латвийской армии в районе Поневежа; держать прочную связь с частями украинской армии, действующими против петлюровских частей.

Приказ Главкома от 15 марта еще более уточнил эту задачу, назначив основным рубежом для армий Западного фронта линию — Рига-Якобштадт, Двинск, Молодечно, Минск, Бобруйск, Жлобин, Гомель; на передовом рубеже приказано закрепить Тукум, Либаву, Поневеж, Вилькомир, Вильно, Ландверово, Лиду, Барановичи, Лунинец.

После 15 марта и на фронте западной армии польские легионеры переходят к более решительным активным действиям на широком фронте.

Таким образом, в половине марта 1919 г. наступает перелом в общем положении дел на западном фронте. Правда, и в дальнейшем будут еще происходит частичные переходы в наступление с нашей стороны, но они не будут уже иметь общего характера, а будут преследовать ту или иную ограниченную цель, либо частичного улучшения своего положения и выправления линии фронта, либо помощи соседям. Можно считать, что с этого времени задача западной армии сводится лишь

к обеспечению территории братских республик в узком смысле этого слова и к упорной обороне против надвигающихся сил контр-революции.

Но пока польское правительство еще не решалось открыто показать свои карты; оно все еще делало вид, что желает о чем-то договориться с Советским правительством, для чего и командировало в Москву своего представителя Венцковского. Так как в намерения польского правительства вовсе не входило поставить эти переговоры на твердую и определенную почву, то они и приняли очень ограниченный характер и имели в виду главным образом поднятый Советским правительством вопрос об удовлетворении его за убийство нашей миссии Красного Креста, но и от окончательного решения этого вопроса польское правительство уклонялось под разными предлогами.

Советское правительство в своих дипломатических отношениях к Польше все время держалось вполне определенной политики: оно искренне стремилось к установлению мирных и добрососедских отношений, даже и с существующим мелкобуржуазным правительством Польши. Продвижение Кр. армии в пределах Литвы и Белоруссии отнюдь нельзя рассматривать, как проявление захватнических стремлений Советского правительства—это делалось согласно желанию самих же трудящихся масс обеих республик, которые стремились к об'единению с Советской Россией в единую республику. Поступая так, Советское Правительство опиралось на волю огромного большинства всего населения. Польское правительство поступало иначе: обвиняя Советскую Россию в политике империализма и захватов, оно само втайне готовило их. Его политика в отношении Литвы и Белоруссии выражала интересы крупных землевладельцев, промышленников и капиталистов, т.-е. ничтожного меньшинства населения. Сочувствие большинства было целиком на стороне Советской власти, что и усматривается из ряда документов и деклараций, о которых мы подробно говорили уже выше. В военном отношении рассмотренный период характеризуется переходом Красной Армии к правильному устройству и об'единенным и организованным действиям. За время своего почти четырехмесячного продвижения эта армия, несмотря на свою малую численность и обширное протяжение фронта, успела освободить от белогвардейских банд значительную часть территории Советских республик Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии. Для белой Польши истекший период также является преимущественно организационным и подготовительным. Она накапливает и организует силы, которые она впоследствии двинет на борьбу с революцией. Обстановка для обеих сторон складывается так, что обе они не могут пока проявить полного напряжения своих сил на театре военных действий. Силы и внимание Польши отвлечены еще и на другие фронты: недоразумения с чехами и немцами, война с гали-

чанами, приобревшая весьма упорный характер, еще не выясненные отношения и столкновения с войсками украинской директории—все эти обстоятельства вынуждают Польшу отвлекать на другие театры значительную часть своих сил. Кроме того, прибытие армии Галлера задерживается в силу разных причин. Во всяком случае, нарастание польских сил на нашем фронте происходит значительно скорее, чем сил Красной армии. В течение еще долгого времени Советское правительство не было в состоянии уделить западному фронту достаточного внимания. Кроме того, Советское правительство и не считало этот фронт ударным; лишь непрекращающийся натиск польской реакции заставил его впоследствии переменить свою точку зрения. Пока же на этом фронте Советское правительство, верное своим принципам миролюбия, придерживалось исключительно оборонительного образа действий.

Первое наступление бело-поляков.

К весне 1919 г. общая политическая и стратегическая обстановка для Советской России складывалась менее благоприятно, чем для белой Польши.

Борьба с внутренней контр-революцией приняла обширные размеры. Рабоче-крестьянская Россия отбивала наступление организованной контр-революции и на берегах Волги и на юге и на подступах к Петрограду и на северном фронте. Белые армии, поддерживаемые Антантой, стремились к сердцу Красной России—Москве. Блокада, об‘явленная и энергично поддерживаемая союзниками, также давала себя знать. Все внимание и все силы Советской России были обращены на эти фронты.

Эта обстановка была правильно учтена белой Польшей; она знала, что Советская Россия при всем своем желании не будет в состоянии в данной обстановке оказать существенную помощь братской Литовско-Белорусской республике, почему и выбрала это время для решительных действий против Литвы и Белоруссии.

Как мы уже упомянули, со второй половины марта польские легионеры переходят в наступление и на фронте западной армии, которая к этому времени переименовывается в Литовско-Белорусскую армию.

Первоначально натиск противника обнаруживается на Барановичском направлении, где ему удается достигнуть некоторых местных успехов; постепенно его продвижение распространяется и на весь фронт. Наши активные операции ведутся еще лишь на флангах; в частности, латвийской Красной армии поставлена задача овладеть линией Митава—Бауск, а украинская армия ведет бои за обладание ст. Коростень; Литовско-

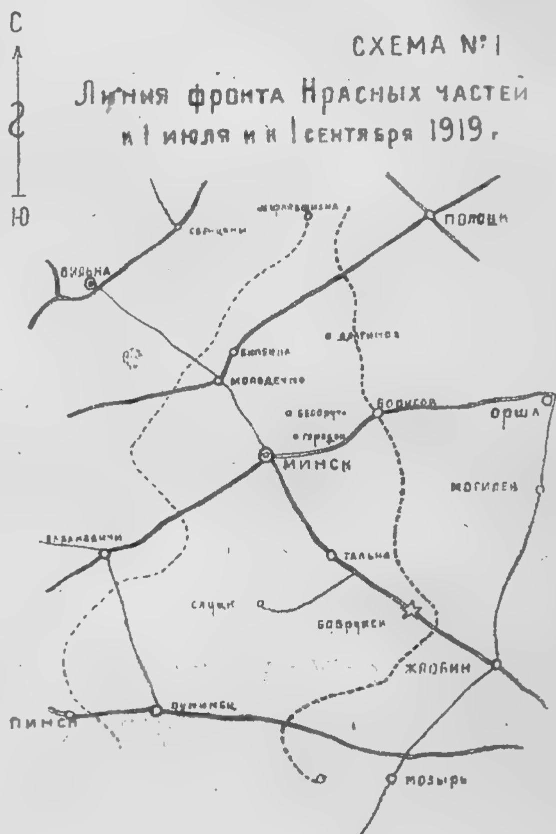
Белорусская армия своими фланговыми частями должна помочь обеим армиям. Около половины апреля наступательная деятельность противника вновь усиливается; наблюдается стремление его действовать на стыки армии и овладеть важнейшими железнодорожными узлами: вскоре противнику удается овладеть фронтом Лида—Барановичи, что создает угрозу Минскому району; почти одновременно польские войска врываются в Вильно и после трехдневного упорного уличного боя заставляют советские войска покинуть город.

В течение всего этого времени представитель польского правительства продолжает находиться в Москве; Советское правительство пользуется этим случаем, чтобы выразить через него свой протест по поводу зверств и бесчинств, производимых польскими легионерами в занятых ими местностях; особенно жестоким преследованиям и пыткам подвергались коммунисты; в некоторых случаях таким же истязаниям подвергались и работники Красного Креста; так, например, при занятии Пинска, польскими легионерами было расстреляно несколько санитаров госпиталя № 1, другие же служащие этого госпиталя были арестованы и едва избегли смерти.

Наконец, занятие г. Вильно, столицы Литовской Советской республики и открытые заявления представителей правительства в польской прессе о нежелании вступать в какие-бы то ни было переговоры с Советским правительством, переполнило чашу нашего терпения. Отлично понимая, что из переговоров с Польшей теперь ничего не выйдет, мы предложили польскому представителю покинуть пределы Советской республики. Вместе с тем Советское правительство при помощи радио поставило в известность польские трудовые массы о мотивах, побудивших его к этому шагу; этим ясно проводилась грань между существующим польским правительством и польским народом, который Советское правительство отнюдь не считало ответственным за политику его правительства; условием продолжения мирных переговоров ставилось прекращение враждебных действий против Литовско-Белорусской республики. Вместе с тем Советское правительство не оставляло без внимания судьбу польских беженцев, остававшихся в России изза нежелания польского правительства позаботиться об их возвращении на родину; Советское правительство указывало польскому правительству, что необходимо совместно выработать план эвакуации польских беженцев. Изменническое нападение белопольских войск на Вильно и вообще на Советскую республику Литвы и Белоруссии, зверские действия польских помещиков и буржуазии в Вильно, аресты и пытки мирных жителей в захваченных областях Литвы и Белоруссии, массовые расстрелы, чинимые польскими властями и войсками, вынудили Советское правительство арестовать в качестве заложников в Москве 250 представителей польской буржуазии, а также весь

персонал бывшего представительства регенцийной рады в Москве, Петрограде и многих других городах. Об этой мере было по радио извещено польское правительство и польская пресса.

Между тем продвижение бело-польских войск продолжалось. Путь их был отмечен насилиями, погромами, убийствами и расстрелами мирных жителей. Особенно тяжело пришлось г. Вильно [1]). Не менее 200 граждан в первые же дни было арестовано и выслано в Белостокский концентрационный лагерь; в пути им пришлось перенести всевозможные лишения и издевательства. Много советских работников, даже стоявших в стороне от военного дела, было расстреляно. Наконец репрессии завершились грандиозным еврейским погромом, продолжавшимся несколько дней. Подобного же рода расправы и репрессии происходили и во всех почти городах и местечках, занятых бело-поляками районов. Даже женщины и дети подвергались нередко мучительной смерти; в списках жертв мы можем найти 70-летних старцев и 8-летних детей.

После занятия города Вильно, противник продолжал развивать наступление главным образом в Свенцянском и Молодечненском направлениях против правого фланга западной армии, постепенно оттесняя наши части.

Таково было положение в 20-х числах мая.

2-го июня противник переходит в решительное наступление на всем западном фронте и достигает линии старых германских окопов, где он и останавливается для временной передышки. Западная армия, 9 июня 1919 г. переименованная в XVI армию, занимает крайне изломанную линию фронта (см. схема № 1)—Шарковщизна, Воропаево, озеро Нарочь, ст. Залесье, левый берег Березины, м. Воложин, Першай, Ивенец, Налибок, Коледзино, р. Неман, м. Клецк, верховье р. Лани,—

[1]) См. «Красная книга» Изд. Наркоминдел, стр. 59—60.

с. Коктыши, Огинский канал, р. Ясельда, д. Плотница, Дубенец, нижнее течение реки Горынь, р. Припять до Мозыря.

В задачу наших частей теперь входила активная и упорная оборона занятой линии фронта, в особенности же—железнодорожных узлов Молодечно, Минск, Лунинец. Одновременно необходимо было парализовать стремление противника прорваться в направлении на Полоцк.

Первая половина июня 1919 г. прошла в сравнительном затишье.

Предпринятое нами частичное наступление на правом фланге XVI армии на Поставы, с целью установления более прочной связи с левым флангом XV армии, началось успешно, но было приостановлено контр-маневром противника.

В виду успешности продвижения XII армии (бывшая Украинская) на правобережной Украине—Западный фронт готовился сам перейти в наступление, но был предупрежден противником. Уже в течение некоторого времени наблюдалось сосредоточение сил противника перед фронтом Вилейки, Молодечно, Минск. В случае удачи на этом фронте, противник, развивая свой успех, грозил прервать железнодорожный путь Гомель — Бобруйск — Минск — Молодечно — Полоцк, проходящий вдоль всего нашего фронта, прорвать фронт XVI армии и отрезать ее части, действующие к северу от г. Вилейки.

С утра 1-го июля противник повел решительное наступление по двум направлениям: на г. Вилейку и из Лидского района на фронт Лоск, Листопады, Воложин. Ему удалось овладеть Вилейкой и утвердиться на фронте Лоск, Листопады, Воложин; дальнейшее наступление его здесь было приостановлено.

В следующие дни наступление противника развилось по всему фронту. Наступление велось им и на Поставском и на Пинском направлениях. В районе Пинска противник был особенно активен. Наши части, оказывая упорное сопротивление, местами переходя в контр-атаки, все-таки должны были постепенно отходить под натиском польских частей, усиленных вновь прибывшими полками армии генерала Галлера.

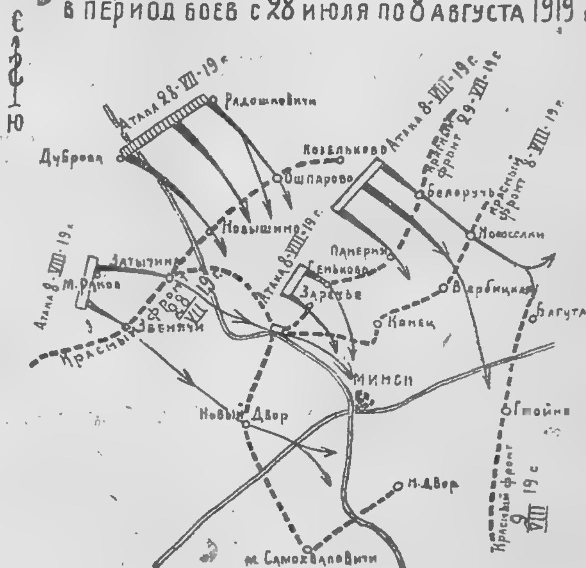
В результате этого наступления нам пришлось оставить важные узлы путей—Вилейку, Молодечно, Лунинец.

К половине июля натиск противника приостановился; он очевидно, устраивался, подтягивал свои тылы и производил перегруппировки. Несмотря на понесенные армией потери, и на то, что армия за это время не получала никаких укомплектований, дух ее был настолько хорош, что армейское командование предполагало предпринять контр-наступление для овладения Вилейкой и Молодеченским узлом. Наступление наше развивалось в начале очень успешно и потребовало ввода в дело со стороны поляков значительных резервов, что и приостановило наши дальнейшие успехи. Таким образом, вторая

половина июля характеризируется вновь оживлением боевой деятельности на фронте, при чем во многих случаях инициатива переходит вновь к Красной армии.

Однако, в общем, наше стратегическое положение на этом фронте ухудшилось. Короткими, последовательными ударами по флангам нашей армии противник откидывает их назад, в силу чего Минский район сильно выдается из общей линии фронта, и возникает серьезное опасение за положение этого района.

Действительно, к 8 августа 1919 г. противник сосредоточивает для овладения Минском значительные силы: около 12,000 пехоты, 2,000 сабель, 40 орудий. С утра 8 августа поляки переходят в наступление, нанося главный удар с северо-востока, с линий Беларучь, Раков. После упорного боя противнику удается прорвать наше расположение в районе с. Вяча, Паперня. К этому удару присоединяется еще глубокий обход нашего правого фланга; наши части начинают отход и противник устремляется в обход всего нашего расположения и заходит в тыл, городу Минску. Попытка продержаться на промежуточной позиции не удается и в 15 часов 8 августа наши части вынуждены очистить город Минск (см. схема № 2).

Противник, не ограничиваясь достигнутым успехом, продолжает теснить центр XVI армии, вынуждая ее сначала отойти за р. Березину. Мы удерживаем еще в своих руках головы мостов через р. Березину у Борисова и Бобруйска, но к концу августа 1919 г. нам приходится очистить и эти районы и ограничиться пассивной обороной р. Березины. Попытки противника переправиться через р. Березину терпят неудачу, и на этом операции временно замирают.

Зато на Полоцком направлении противник продолжает развивать с успехом свое наступление, тесня перед собою части 17 стр. дивизии. Значительное скопление сил противника обнаруживается в районе г. Лепеля, откуда противник может через м. Чашники действовать на г. Витебск.

К половине октября силы противника в Лепельском районе исчисляются в 16,000 штыков, 2000 сабель, 40 легких и 10 тяжелых орудий. К этому же времени силы наших частей на всем фронте от Полоцка до Борисова определяются в 11,000 штыков, 350 сабель 43 легких и 6 тяжелых орудий. Таким образом противник имеет над нами почти полуторное превосходство в пехоте, почти шестерное превосходство в коннице при почти равном количестве артиллерии.

Левофланговым частям XV и правофланговым частям XVI армии ставится задача приостановить дальнейшее наступление противника встречным ударом в районе Полоцк-Лепель и оттеснить его за верховья р. Березины. В дальнейшем, однако, активная задача выпала лишь ня долю XVI армии, так как XV армии приказано было лишь прочно удерживать занятое расположение; XII армия в это время вела борьбу с Деникинской армией, переменив фронт почти прямо на юг.

XVI армия ближайшей своей целью ставит овладение Пышно-Лепельским районом, действуя своим правым флангом. С половины октября в районе г. Полоцка и южнее его завязываются упорные бои, имеющие впрочем чисто местное значение. Линия фронта колеблется; введя в дело свежие силы, бело-поляки успевают приостановить наше продвижение, но и им не удается продвинуться далеко. Бои с переменным успехом и крайним ожесточением продолжаются в течение около месяца и наконец затихают в середине ноября. Нашим частям удается прочно обеспечить за собою г. Полоцк и положить предел всяким попыткам противника продвинуться вперед на Витебском направлении.

Армиям фронта приказано прочно закрепиться и перейти к активной обороне.

Летние и осенние кампании 1919 г. на Западном фронте закончились захватом противником всей территории Литвы и почти всей Белоруссии. Таковы были территориальные результаты 8-ми месячной кампании 1919 г. для бело-поляков. Эти результаты достались им не даром. Действия нашей армии на этом фронте можно охарактеризировать, как в высшей степени активную стратегическую оборону; что она не была бесплодна, свидетельствует тот факт, что бело-полякам пришлось затратить на продвижение по территории Литовско-Белорусской республики время вдвое большее, чем на это потратила Красная армия во время своего зимнего похода 1918—1919 гг.

По общей стратегической и политической обстановке того времени в Советской республике, западный фронт и не мог сделать большего. Главнейшими и важнейшими фронтами в то время были у нас восточный и южный фронты, и на них были сосредоточены все наше внимание и все усилия. Западному фронту приходилось иметь дело все время с превосходными силами противника; против него действовали отлично обучен-

ные и снабженные Антантой части армии Галлера и др.; Советская Россия не могла усилить и подкрепить этот фронт ничем существенным; по общей обстановке на него выпадала пассивная задача, но при выполнении ее войска и командование фронта проявили столько энергии и самоотвержения, что бело-полякам не удалось в течение 1919 г. достигнуть заветной цели их захватнических мечтаний, т.-е. территориальных границ Польши 1772 г. Политические результаты кампании следует считать также удачными для Советской России. Трудящиеся массы Литвы, Белоруссии и Польши имели случай ясно убедиться в истинных целях и намерениях панского правительства Польши и миролюбии Рабоче-крестьянского правительства.

Само собою разумеется, что временные успехи польского оружия сразу же отразились на характере дипломатических сношений обоих правительств. Польское правительство теперь не считало для себя необходимым более пользоваться этим средством. Наоборот, Советское правительство, не оставляя забот своих о массах тех польских беженцев, которые в бедственном положении ожидали на западной границе возможности вернуться к себе на родину, неоднократно обращалось к польскому правительству с конкретными предложениями о решении их участи. Лишь поздней осенью польское правительство решило, наконец, вновь перейти к непосредственным сношениям с Советским правительством, выдвинув вопрос об обмене заложниками и гражданскими пленными.

И на этот раз, как и всегда, Советское правительство проявило свое миролюбие и охотно пошло навстречу польскому правительству. Советский представитель Красного Креста тов. Мархлевский в своей декларации о заложничестве от 23 октября 1919 г. от имени Советского правительства заявил, что Советская власть всегда смотрела на эту меру, как на крайнее средство, которое оно вынуждено было применить в виду нарушения Польшей правил международного права по отношению к гражданам Советской России и что Советское правительство всегда готово путем непосредственных переговоров разрешить вопрос о всех польских заложниках, находящихся на нашей территории.

Переговоры по этому вопросу состоялись и привели к удовлетворительному результату: оба правительства заключили соглашение об обмене заложниками и гражданскими пленными и о дальнейшем отказе на началах взаимности от системы заложничества.

Подготовка к решительной борьбе.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению хода военных событий, мы предпошлем ему краткий обзор той политической и военной обстановки, которая сложилась

для обоих государств перед началом решительной борьбы между ними.

Прежде всего необходимо отметить, что политическое и военное положение обоих государств значительно улучшилось.

В течение 1919 г. благодаря материальной и дипломатической поддержке держав Антанты, главным образом Франции, Польше удалось с успехом разрешить многие спорные вопросы на ее чехо-словацкой и германской границах, и вследствие этого она располагала теперь значительным количеством свободной вооруженной силы.

Крайне сложный и запутанный для Польши украинский вопрос был также, хотя и временно, разрешен в ее пользу.

Длительная, упорная и требовавшая большого расхода вооруженных сил, со стороны Польши, борьба галицких украинцев с поляками в конце лета 1919 г. закончилась полным военным успехом поляков. Галицкая армия после 9-ти месячной упорной борьбы, в конце лета 1919 г. была разбита и вынуждена была покинуть родную территорию; с тех пор она сделалась игрушкой в руках политических авантюристов различных направлений.

Фиктивная украинскяя Директория, возглавляемая мелким политическим честолюбцем и авантюристом Семеном Петлюрой, давно лишившаяся всякой поддержки широких народных масс Украины, ради сохранения своей призрачной власти окончательно предала свой народ, уступив бело-полякам Холмщину, Западную Волынь и Западную Подолию. Воспользовавшись этим предательским договором, польские войска в конце ноября месяца 1919 г. вступили в пределы уступленных им областей и распространились по линии р. Случ и далее по условной линии несколько далее Проскурова и восточнее Каменца Подольского до берегов р. Днепра, войдя в соприкосновение с частями добровольческой армии Деникина, занимавшей в то время большую часть правобережной Украины.

Эти внешние политические и военные успехи были куплены дорогою ценою для польских трудящихся масс. Иностранный капитал широкой рекою вливается в Польшу, и постепенно бело-польское правительство делается все более и более послушным слугою Антанты. Французский капитал наиболее заинтересован в делах Польши. Влияние Франции становится все более заметным на политике польского правительства по отношению к Советской России.

Успехи, достигнутые Советской Россией к исходу 1919 г. в политическом и военном отношениях были не маловажны, но об окончательной победе еще рано было говорить. Правда, на восточном и крайнем северном фланге Западного фронта Красные войска одержали решительный перевес, разбив армии Колчака и Юденича, но на южном и юго-восточном фронтах шла еще ожесточенная борьба с добровольческой армией, хотя

уже и тут намечался перелом в нашу пользу. Однако, эта борьба пока еще требовала напряжения всех сил с нашей стороны и не позволяла нам уделить достаточно внимания и сил нашей западной границе. Существовал еще и северный фронт, но момент его ликвидации был уже близок. Во всяком случае общее военное положение Советской республики можно признать значительно улучшившимся к концу 1919 г.

Улучшение общего военного положения отразилось сейчас же и на международном положении Советской республики: белая Эстония вела с нами переговоры о мире, и первые шаги для начала торговых сношений с Англией были уже сделаны с обеих сторон.

На польском фронте в военном отношении зима 1919—1920 г. отмечается лишь рядом частных операций, предпринимаемых обеими воюющими сторонами либо для достижения своих частных, ограниченных целей, либо для улучшения своего тактического положения. Наиболее крупные операции этого рода произошли на крайнем правом фланге западного фронта и на стыке Западного и Юго-западного фронтов; это название получил бывший южный фронт в начале января 1920 г.

Эти операции заключались в следующем: в начале января 1920 г. бело-полякам удалось ликвидировать стратегический выступ нашего западного фронта на стыке бело-латвийской и бело-польской армий у г. Двинска, захватив его. Пользуясь ослаблением нашего фронта на Гомельском и Лазаревском направлениях, откуда значительная часть наших сил была переброшена на юг для очищения от добровольческой армии занятых ими районов право- и лево-бережной Украины, бело-поляки в течение 6 и 7 марта овладели г. Мозырем, ст. Калинковичи, гг. Овручем и Речицей, глубоко врезавшись в промежуток между западным и юго-западным фронтами. С целью исправить положение, а также для того, чтобы отвлечь внимание противника на это направление, наше командование предприняло во второй половине марта и в начале апреля 1920 г. частную операцию в этом районе. После упорных боев с переменным успехом, хотя наши войска и вынуждены были отойти за р. Березину и Днепр, но во всяком случае привлекли на это направление внимание и значительные силы противника.

Не считая этих частных операций, зима 1919—1920 гг. прошла для Западного и Юго-западного фронта в усиленной работе по обучению войск, улучшению их снабжения и организации тыла. Новый 1920 г. принес Советской республике дальнейшие военные и политические успехи. Начиная с января месяца, ликвидация белогвардейских армий пошла быстрым ходом.

В середине февраля 1920 г. окончательно разгромлены остатки добровольческой армии на Украине; в конце того же месяца прекращает существование под ударами советских войск

северный белый фронт; остатки армии Юденича окончательно разлагаются, и солдаты этой армии массами переходят на нашу сторону. В марте месяце ликвидируются белые армии на северном Кавказе.

Успехи дипломатические сопутствуют военным: 2 февраля 1920 г. белая Эстония подписывает мир с Советской Россией. За несколько дней перед этим белая Латвия также подписывает перемирие с Советской республикой, а вскоре и белая Финляндия вступает с нами в переговоры по этому же поводу. Советское правительство получает в свое распоряжение значительное количество свободных вооруженных сил. Но эти блестящие военные и дипломатические успехи, последовавшие так скоро один за другим, отнюдь не влияют на изменение его линии поведения по отношению к Польше. Оно попрежнему считает, что все недоразумения с Польшей могут и должны быть разрешены мирным путем. Рабочие и крестьяне Советской России, одержав победу над контр-революцией, теперь стремятся к мирному производительному труду, к восстановлению разрушенных продолжительною войною промышленности и сельского хозяйства. Все внимание Советского правительства обращается на эти области народной жизни. Красная армия бросает винтовку и вооружается молотом и топором; целый ряд армий обращается в трудовые армии.

Но на западных границах республики положение не изменилось. Позиция польского правительства попрежнему загадочна и неопределенна; вести, идущие из Польши не внушают больших надежд на мирное улажение недоразумений между Советской Россией и Польшей. Начиная с конца 1919 г. белая Польша планомерно, решительно и настойчиво начинает готовиться к борьбе с Советской Россией.

У читателя может возникнуть вопрос, почему-же она не сделала этого ранее, еще летом 1919 г., когда волна белых армий катилась к Питеру и Москве и когда положение Советской республики было так тяжело. Напрягши все усилия, белая Польша еще в конце 1919 г. могла достигнуть значительных успехов на нашем западном и юго-западном фронтах. Тут-то и сказались все особенности политики империалистических и буржуазных правительств. Оба правительства и польское и Деникинское преследовали одну цель — борьбы с большевиками, но не нашли общего пути для достижения этой цели. Бело-поляки боялись, что Деникин, сторонник «Единой и неделимой России», восстановив последнюю, обратит свое оружие против белой Польши и уничтожит ее самостоятельность.

Поэтому панское правительство спокойно смотрело на разгром Деникина, рассчитывая справиться с Советской Россией собственными своими силами: оно еще не учитывало и не могло учесть той силы внутреннего и внешнего сопротивления,

которую могла развить рабоче-крестьянская власть, опирающаяся на широкие народные массы.

Кроме того, следует учесть еще и другие обстоятельства, препятствовавшие бело-полякам одновременно с белыми русскими армиями развить с полным напряжением борьбу против Советской России.

Мы уже упоминали, что положение на чехо-словацкой и германской границах связало руки бело-полякам, а война с галицийскими украинцами привлекала значительные польские силы. Лишь с конца 1919 г. польское правительство получает возможность начать усиленную подготовку к весенней и летней кампании против Советской Россией. К продолжению войны с Советской Россией бело-польское правительство толкают как его собственные цели и интересы — стремление восстановить Польшу в пределах 1772 г., так и настояния французских империалистов. Подготовка кампании обнимает собою не только одну военную сторону дела; необходимо подготовить общественное мнение Европы и всего мира, а также обмануть собственные трудящиеся массы, чтобы они не догадались об истинных целях и причинах войны.

Соответствующая агитация искусно ведется панским правительством; оно старается Советскую Россию выставить единственной виновницей непрекращающихся военных действий. В этом отношении характерно заявление помощника статс-секретаря Скржинского в ответ на один из запросов в сейме. Он сказал: «Советская Республика никогда не предлагала Польше мира, она угрожала Польше вторжением и нисколько не была склонна к соглашению, отвечающему желаниям польского народа».

Советское правительство в своей ноте от 22 декабря 1919 г. энергично протестовало против подобного заявления, ссылаясь на всю историю предшествующих дипломатических сношений и предлагало польскому правительству немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира между обеими государствами. Советское правительство указывало также и на то, что препятствия, которые ставятся некоторыми державами Антанты на пути мира между Польшей и Советской Россией вовсе не отвечают действительным интересам польского народа.

Польское правительство и на этот раз осталось глухо к искреннему предложению Советского правительства. Но зато с конца января 1920 г. в заграничной печати начали появляться сообщения об об'явлении в Польше всеобщей мобилизации и о беспрерывном подвозе через Кобленц в Польшу военного снаряжения, посылаемого державами Антанты, главным образом Францией; начальник государства Пилсудский об'езжал восточный польский фронт; в Варшаве ожидали прибытия маршала Фоша; многочисленная французская военная миссия

деятельно работала над усовершенствованием боевой подготовки польской армии. Печать и польская, и европейская предсказывала крупные события на польском восточном фронте. Доказательство мирных стремлений Советского правительства— частичную демобилизацию Красной Армии и создание трудовых армий — печать Антанты истолковывала, как разложение Красной Армии и признак слабости рабоче-крестьянского правительства.

Первые четыре месяца 1920 г. отмечаются вновь оживлением дипломатической деятельности Советского правительства. Оно принимает все меры к избежанию вооруженного столкновения.

23 января 1920 г. Народный Комиссар по Иностранным Делам обращается к трудящимся всех стран Согласия с воззванием, в котором указывает на подготовку Антантой нападения Польши на Советскую Россию и призывает не допускать военной поддержки правительства Польши.

28 января 1920 г. Совет Народных Комиссаров в обращении к польскому правительству подтверждает признание независимости Польши и свое приглашение от 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры; он заявляет, что в течение этих переговоров советские войска не переступят линии белорусского и украинского фронта, проходящей через Дриссу, Дисну, Полоцк, Борисов, м. Паричи, ст. Птич, Белокоровичи, м. Чуднов, Пилява, Деражня и Бар. В этом же обращении указывается на то, что Советская Россия никогда не заключала с Германией или какой-либо иной страной никаких соглашений, клонящихся к ущербу Польши. 2 февраля это заявление Совета Народных Комиссаров было подтверждено сессией В. Ц. И. К., который обратился, кроме того, с соответствующим воззванием к широким народным массам Польши.

4 февраля временное украинское Советское правительство, об'являя о принятии им всей полноты власти, также подтвердило, что одним из первых его намерений является заключение мира с Польшей.

20 февраля Исполком Коминтерна призывал рабочих всех стран к борьбе против замышляемого французскими империалистами нападения Польши на Советскую Россию.

В это время империалистическая польская печать явно уже начинала вести кампанию за возвращение Польше областей 1772 г., т.-е. части Латвии, всей Литвы, Белоруссии и правобережной Украины.

22 февраля украинское Советское Правительство в свою очередь обратилось к польскому правительству с предложением начать мирные переговоры.

6 марта оба Советских Правительства просили польское правительство ускорить ответ на их ноты. 7 марта оба Советских Правительства обратились к державам Антанты с указа-

нием, что их влияние могло бы приостановить наступательные операции Польши против Украины.

Польское правительство хранило молчание, оно еще не было окончательно готово, поэтому ему выгодно было тянуть время. Лишь 27 марта оно предложило нам начать переговоры в г. Борисове, т.-е. на линии боевого фронта. В этом выразилось явное желание польского правительства сорвать вопрос о мире и снять при этом с себя ответственность перед польским народом. Советское Правительство протестовало против избрания местом переговоров г. Борисова, предлагая польскому правительству выбрать какой-нибудь другой пункт. Но польское правительство категорически отказалось в этом вопросе пойти на встречу Советскому правительству, и 7 апреля в резкой форме сообщило что в переписке о месте переговоров оно усматривает лишь нежелание Советского правительства вести самые переговоры. Последние обращения т. Чичерина остаются уже без всякого ответа, и бело-поляки с конца апреля развивают решительные операции на правобережной Украине.

Период с конца марта по десятые числа апреля отмечается видимым как будто желанием бело-поляков сделать шаг на встречу Советской политике мира. Шаг этот делается ими не вследствие их искреннего желания пойти на этот мир, а в силу временного ухудшения для них общей политической обстановки. С одной стороны внимание Антанты было отвлечено от русско-польских отношений событиями в Рурской области, с другой стороны у Польши вновь назревал конфликт с Чехо-Словакией. Кроме того, предполагавшаяся в 20 числах марта конференция прибалтийских государств в Варшаве по вопросу об оборонительном союзе их всех против России не состоялась, и внутреннее положение страны в силу увеличивающегося экономического кризиса было далеко неблагополучное.

Однако, развязка Рурских событий в духе, желательном для Антанты, мирное разрешение чешско-польского недоразумения по вопросу о границах, ослабление рабочего движения внутри Польши—все это вновь укрепило позицию польских империалистов и сразу-же отразилось на политике панской Польши по отношению к Советской России.

Нам остается теперь сказать несколько слов о том положении, которое предстояло занять в грядущей борьбе государствам, возникшим вследствие мировой войны. Эстония и Латвия вели уже переговоры с Советским правительством, и можно было быть уверенным в том, что в предстоящую борьбу они уже не вмешаются. Литва не питала неприязни к Советской России. Румыния, хотя и не вела переговоров с Россией, но и не состояла еще ни в каких союзнических и договорных отношениях с Польшей. Поэтому можно было рассчитывать, что и она не вмешается в предстоящую борьбу.

Причины войны и военные силы обеих сторон.

Прежде чем перейти к изложению событий, явившихся началом решительной борьбы между панской Польшей и Советской Россией, мы постарается вполне определенно установить те причины и поводы, которые сделали эту борьбу неизбежной, несмотря на неоднократно доказанную уступчивость и миролюбие Советского правительства.

Причины непримиримости, обнаруженной бело-польским правительством во весь предшествующий период русско-польских отношений, мы усматриваем в том, что цели белой Польши совпали с целями Франции, идейной руководительницы польской политики.

Белая Польша стремилась к воссозданию Польши в границах 1772 г., что давало польскому правительству поддержку шовинистически настроенных буржуазных и мелко-буржуазных кругов. Франция, после разгрома внутренней контр-революции в России, видела последнюю свою ставку в вооруженном нападении шляхетской Польши на Советскую республику. Этим Франция могла достигнуть двух целей: во-первых она препятствовала Советской республике заняться внутренней мирной созидательной работой, а во-вторых, в случае поражения Советской России, в чем она не сомневалась, она содействовала созданию сильной белогвардейской Польши.

Таким образом, хотя Франция в лице своего буржуазного правительства, и не являлась сторонницей границ Польши в пределах 1772 г., но общая обстановка (выяснившееся к этому времени бессилие русской контр-революции) заставляла ее не препятствовать Польше в стремлении ее к достижению этих границ на востоке.

Остановимся несколько на этих причинах и посмотрим, насколько они были основательны, чьи интересы защищало панское правительство, сознательно идя на разрыв с Советской Россией. Возьмем хотя бы для примера Украину. Подольская губерния в составе своего населения насчитывала всего 2,1% поляков; в Волынской губернии их было несколько больше— около 8%, в Киевской губернии всего 1½%. Коренное население всех этих областей было украинское, а именно от 75% до 87%. В классовом отношении этот процент польского населения состоял главным образом из землевладельцев, сахарозаводчиков, магнатов и богачей.

Примерно также обстояло дело и в Белоруссии. Так вот чьи интересы защищало панское правительство, готовя свое новое нападение на Советскую Россию. Ради интересов крупной буржуазии и крупного землевладения панская Польша совершенно забывала как интересы своего рабочего класса, так и тех десятков тысяч беженцев из среды своих трудящихся

масс, которые тщетно ожидали решения своей участи в нашей прифронтовой полосе. Мы вскрыли истинные причины нового нападения белой Польши на Советскую Россию; теперь остается сказать лишь несколько слов о поводах. Поводом в глазах польского правительства послужил отказ Советского правительства вести переговоры в г. Борисове. И в этом отношении Советское правительство было вполне право. Отказываясь от перемирия по всему фронту, бело-польское правительство обнаруживало свою затаенную цель: вести переговоры для отвода глаз и в то же время продолжать свои наступательные действия на тех направлениях, где ему это было выгоднее.

Вот в силу каких причин и по какому поводу панское правительство толкнуло честный трудовой польский народ на войну против Украины и против России. Часть этого народа была искусстно оплетена шовинистической и поповской (ксендзовской) агитацией, другая часть, хотя и ясно сознавала преступную деятельность своего правительства, но была сдавлена такими тисками, что не могла выразить своего мнения. Советская Россия в лице своих вождей прекрасно понимала это положение польского народа. «Приступая к этой тяжелой борьбе после первых неудач,—говорил тов. Троцкий на митинге в Гомеле 10 мая 1920 г.—мы должны свою душу, свою совесть очистить от вражды и ненависти к польскому народу. Польский народ наш друг и брат». Далее тов. Троцкий указывал, что война наша направлена не против польских рабочих и крестьян, а за них. Мы уже указали, что борьба Польши с Советской Россией должна была протекать при нейтралитете государств, возникших на развалинах бывших Австрийской и Российской империи; существовала лишь одна сила политическая и военная, поставленная на ноги опять-таки Францией, которая играла активную роль в этой борьбе, направленной против Советской России, хотя и на другом театре.

Остатки белых армий, уцелевшие от разгрома Деникина, собрались в Крыму: при поддержке той же Франции генерал Врангель реорганизовал их и они в течение весенней и особенно летней кампании 1920 г. оказывали свое вредное влияние на действия Красной Армии, оттягивая на себя часть ее сил.

Театром борьбы Советской России с панской Польшей явилась обширная территория, границы которой в общих чертах определяются на западе р. Вислой, на севере—р. Западной Двиной, на востоке—р. Днепром, и на юге—границами Украины с Новороссией и далее р. Днестром. Нейтральная Литва также сделалась театром военных действий. Кроме того, борьба захватила правобережную Украину, часть Галичины, всю Белоруссию и часть восточной области Польши.

Полесье, лесисто-болотистая полоса р. Припяти и низовья ее правых и левых притоков, в значительной мере утратившие свой трудно-доступный характер, делили весь театр

на две части: первую большую, которую мы назовем Белорусским или западным театром и другую меньшую—Украинский театр. Через Белорусский театр пролегали кратчайшие и важнейшие пути от берегов Вислы к сердцу Советской России—Красной Москве, и в этом заключалось его значение для нас; равным образом, через него же проходили такие же кратчайшие пути к политическому центру белой Польши—Варшаве, почему он являлся не менее важным и для бело-поляков. Украинский же театр, при данной обстановке, имел второстепенное значение. Поверхность обоих театров войны представляет в общем на большей части своего протяжения всхолменную равнину; лишь в районе Дубно и Кременца рельеф местности выражен более резко и в районе Кременца принимает характер небольшого горного кряжа (Кременецкие горы). В общем же по характеру местности оба театра являлись вполне удобными для действий значительных масс войск. Наиболее значительные водные рубежи (Висла, Днепр, Западная Двина, Днестр) образовали в сущности рамку, внутри которой разыгралась большая часть главнейших операций рассматриваемого периода; лишь р. Днепр в начале летней кампании явилась тем рубежом, который разделял одно время воюющие стороны и служил преградой на путях продвижения бело-поляков вглубь Украины. Следующими рубежами, менее существенными по размерам, но более важнейшими по значению, которое они имели в течение кампании были р. Березина, явившаяся препятствием на путях продвижения бело-поляков и система р.р. Западного Буга и отчасти Бобра, за которой пытались устроиться бело-поляки при преследовании их Красной армией. Северные и южные притоки р. Припять в нижних своих течениях имели значение рубежей, могущих задерживать свободное продвижение обеих сторон в восточном и западном направлениях. Наконец, р. Припять, протекая с запада на восток, разделяла оба театра, а следовательно и силы, действующие на них между собою. Значение всех этих рубежей, принимая во внимание современное состояние технических средств, было весьма относительным. Самым лесистым и закрытым являлся район Полесья, хотя значительные лесные площади рассеяны и по всему театру.

Наиболее богат местными средствами был Украинский театр и некоторые части восточного района Польши. Классовый состав населения в общем был благоприятен для Красной армии, особенно в пределах Белорусского и некоторых частей польского театра, где до 65% населения составляет малоземельный, либо батрацкий элемент. Сеть путей на обоих театрах развита достаточно, беднее всего ими Полесье. Через Белорусский театр пролегали важнейшие и кратчайшие пути как железнодорожные, так и грунтовые, ведшие к важнейшим

политическим и административным центрам обеих воюющих сторон—Москве и Варшаве.

В общем следует признать, что оба театра, главный и второстепенный являлись вполне удобными для действий значительных масс войск. Несколько меньше удобства в этом отношении представляло Полесье, но и оно, как показали дальнейшие события, не исключало возможности действий в нем значительных отрядов войск.

К началу периода решительной борьбы Польша располагала большей частью своих наличных вооруженных сил; хуже обстояло дело для Советской России, которой пришлось значительную часть своих вооруженных сил уделить для борьбы с Врангелем. В отношении вооружения и технического снабжения польская армия также имела превосходство над Красной армией. Это было достигнуто, благодаря усилиям Франции. Последняя в течение 1918 г., а главным образом 1919 г. не только формировала и обучала, но и старательно снабжала бело-польские войска всем необходимым. Техническая часть авиации, снабжение пулеметами, артиллерией, снарядами и обмундированием—во всем этом огромную помощь Польше оказала Франция; она же постаралась снабдить бело-польскую армию достаточным количеством инструкторов: в феврале месяце 1920 г. кадры французских инструкторов в Польше состояли из 9 генералов, 28 полковников, 63 батальонных командиров, 296 капитанов, 496 поручиков и подпоручиков и 2120 солдат; главным образом в число их входили чины специальных и технических войск [1]).

Во Франции же обучались различного рода специалисты, особенно авиационного дела, для польской армии.

Благодаря деятельной работе французских инструкторов всех категорий, обучение польской армии, особенно ее командного состава, сделало значительные успехи.

Красная армия зимний период относительного затишья использовала также для организационной работы. Было обращено внимание на усиленную подготовку, сколачивание частей и обучение командного состава. Насколько возможно, были пополнены запасы вооружения, снаряжения и обмундирования. Приняты были меры к созданию запасов продовольствия на армейских и базисных складах и организации транспорта. Несмотря на успехи, достигнутые в этом отношении, все-таки транспортных средств оказалось недостаточно во время нашего стремительного движения вперед, и из встречавшихся затруд-

---

[1]) Цитируем по статье т. Павловича „Советская Россия и новый Карфаген" в журнале „Военная наука и Революция", книга вторая 1921 г. Эта статья вышла также отдельным изданием под названием „Советская Россия и капиталистическая Франция".

нений пришлось выходить при помощи широкого использования местных средств.

Зато духовные качества нашей армии были выше, чем у поляков. За время предшествующих боев ряды Красной армии достаточно окрепли и сплотились, а основательно поставленная и энергично проведенная политическая работа сделала из каждого красноармейца вполне сознательного и политически зрелого бойца за интересы рабочих и крестьян. Сочувствие Красной армии со стороны широких масс населения выразилось в добровольной явке значительного количества дезертиров как раз перед началом решительных операций; многие из этих дезертиров впоследствии отважно дрались в рядах наших красных полков.

Лучше действующая и более развитая сеть железных дорог давала возможность полякам быстрее перебрасывать свои войска. Таким образом польская армия имела перед Красной армией неоспоримые преимущества в отношении числа, вооружения, техники, снабжения и отчасти обучения. Красная армия, уступая ей во всем этом, превосходила ее в отношении моральном и политическом, а также в выносливости, неприхотливости и способности к быстрым передвижениям.

Подготовку к решительной борьбе панская Польша начала гораздо раньше Советской России. В то время, как последняя недвусмысленно выказывала свое стремление к миру прочному и длительному частичной демобилизацией Красной армии и переводом части своих армий на трудовое положение, панская Польша, делая вид, что она желает завязать с нами переговоры, в течение всей зимы постепенно усиливала свои войска на своем восточном фронте и деятельно готовилась к нападению. В то же время польское военное командование вело ряд частных операций, имевших целью создать наилучшее исходное положение для общей решительной операции.

Красное командование имело определенные сведения о сосредоточении значительных польских сил в районах Молодечно, Минск, Слуцк, Бобруйск, чем создавалась нам угроза на Витебском, Смоленском и Могилевском направлениях.

Деятельная подготовка белой Польши к продолжению войны, ее двусмысленное и полное загадочности поведение в вопросе о мирных переговорах, наконец, сообщения западно-европейской печати о готовящихся решительных событиях на восточном польском фронте, вынудили в свою очередь и Красное командование принять известные меры предосторожности на том театре, который для него является главным, т. е. на Белорусском. Приступлено было к постепенному усилению войск на этом театре.

Польский план наступления повидимому сложился не сразу. Политика Антанты и на него оказала свое могущественное влияние. Как и следовало ожидать, он был наступатель-

ного характера. Решившись пассивно держаться на Белорусском театре, бело-поляки стремились к нанесению сильного удара Красным армиям на Украине, имея здесь конечной целью захват всей правобережной Украины, и простирая свои виды и на восточную ее часть. В том, чтобы Польша овладела Украиной, немало была заинтересована и Франция. Она еще прежде подписала договор с Петлюрой о передаче в руки французских капиталистов всех украинских железных дорог и финансовых предприятий. Кроме того, иностранный, в частности франко-бельгийский капитал был сильно заинтересован в нашем Донецком бассейне; захват Украины давал надежду иностранным капиталистам на возвращение рудников и заводов Донецкого бассейна.

Господствующие классы Польши стремились захватить Украину, чтобы вернуть обратно в свои руки крупную земельную собственность, которой они овладели на правобережной Украине, и наконец политический авантюрист Петлюра надеялся, имея за своей спиной бело-поляков, вновь пробраться к власти.

Таковы были причины, заставившие бело-поляков отказаться от нанесения решительного удара на главном направлении и избрать для этого второстепенный.

Главный из этих причин надо признать соглашение Петлюры и Пилсудского о польско-украинской федерации. Характерно, что маршал Фош явно видел нецелесообразность этого плана с чисто военной точки зрения и высказался против нанесения главного удара на Киев. Но, как мы уже сказали, в основу плана легло федеративное соглашение Пилсудского и Петлюры.

Являясь, подобно Деникину, послушными слугами западно-европейского капитала, бело-поляки повторяли ту же ошибку, которую сделал и он, когда, послушавшись своих заграничных хозяев, вместо прямого пути на Москву избрал кружный путь через Украину.

Приняв меры предосторожности путем усиления своих войск на западном фронте, Красное командование должно было подумать и о своем плане действий на случай более чем вероятного наступления бело-поляков. Миролюбивая политика Советского правительства отразилась и на плане действий Красного командования: он сводился по прежнему к активной обороне, при чем на наступление бело-поляков предполагалось ответить встречным ударом в направлении на г. Минск на фронте Борисов—Игумен. Этому главному удару должны были содействовать второстепенные наступательные операции XVI армии из районов Жлобина и Овруча в направлении на Мозырь для отвлечения внимания противника и облегчения положения правого фланга юго-западного фронта.

Таким образом план действий Красного командования, исходя из правильной оценки значения обоих театров, главное внимание уделял Белорусскому театру, намечая на нем главную активную операцию, в связи с чем и были усилены наши войска на этом театре. Главный удар предполагалось нанести центром западного фронта в направлении на Минск. При такой операции, в случае быстрого продвижения нашей ударной группы, фланги ее оставались бы необеспеченными от ударов с севера и юга. Для успеха операции нужно было бы либо постепенно усиливать группу новыми частями, либо развить одновременно крупные операции на флангах, что требовало значительного общего превосходства в силах. Кроме того, удар этот являлся чисто лобовым и, будучи примерно равно удален от флангов общего расположения бело-поляков давал возможность им сравнительно быстро сосредоточивать подкрепления к угрожаемому месту с обоих флангов. Фронтальное направление удара давало малые результаты и стратегические и актические.

В конце апреля месяца на Западный фронт прибыл новый командующий фронтом тов. Тухачевский, который коренным образом изменил этот план, положив в его основу большую активность и инициативу. Но изменение этого плана уже совпало с развитием решительных операций на юго-западном фронте. Наступление поляков на Украину помешало нашему командованию полностью осуществить намеченный план и на первое время значительно парализовало нашу активность. Более подробно об этом мы скажем ниже.

Теперь же посмотрим, каковы были расположение, численность и состояние войск обеих сторон перед началом решительных операций.

К середине апреля 1920 г. Кресная армия была расположена на обширном фронте, правый фланг которого упирался в оз. Освея. Далее линия фронта шла через города Дрисса, Дисна, Полоцк, Лепель, Борисов, Бобруйск, Речица (восточнее четырех последних пунктов), переходила на р.р. Днепр и Припять в общем направлении на г. Овруч, но несколько севернее его, пересекала линию Киево-Ковельской железной дороги, после чего круто сворачивала на юг и проходила несколько восточнее г. Новоград-Волынска, Летичева, Новой Ушицы и у г. Могилева-Подольского, упираясь в р. Днестр. Эту линию фронта занимали: XV и XVI армии западного фронта, общею численностью 78 тысяч штыков, 4.500 сабель, 510 орудий и XII и XVI армии юго-западного фронта, общею численностью около 15 тысяч штыков и 3.400 сабель.

Против этих сил бело-поляками к началу решительных операций было развернуто: против Западного фронта около 68.000 штыков, 5.800 сабель и свыше 600 орудий, сведенных в две армии—первую и четвертую; против юго-западного фронта

три армии (III, II и VI и Петлюровские формирования) общею численностью около 60 тысяч штыков и 11 тысяч сабель.

Таким образом, если мы на главном театре несколько превосходили противника в количестве штыков, то зато уступали ему в коннице и артиллерии. На Украинском-же театре численное превосходство во всех отношениях принадлежало противнику; он почти вчетверо превосходил нас количеством штыков и втрое количеством конницы.

Подкрепления подходили к обоим красным фронтам, но так как Советское правительство вовсе не готовилось к активным действиям на этих фронтах, ожидая удовлетворительного исхода мирных переговоров, эти подкрепления начали прибывать уже во время военных действий: в частности на Украинский фронт с северного Кавказа двигалась походным порядком конная армия тов. Буденного, которая должна была восстановить наше превосходство в коннице на этом театре.

Красные дивизии были доведены в общем до численности в 6000 штыков каждая и обеспечены главнейшими видами продовольствия по общему расчету от 30 до 60-ти дней (по данным Западного фронта).

Соглашение Пилсудского с Петлюрой и наступление бело-поляков на Украину.

Для того, чтобы создать приличный предлог для своего вторжения на Украину и ввести в заблуждение как свои трудящиеся массы, так и трудящиеся массы всего мира, б. вождь польской партии социалистов-соглашателей Пилсудский, к которому перешло политическое и военное руководство всей польской политикой, 22 апреля 1920 г. подписал фиктивное соглашение с Петлюрой об освобождении от Советской власти Украины.

25 апреля польские армии на Украинском фронте перешли в общее решительное наступление. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет отвечал на это вторжение воззванием ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам Советской России с раз'яснением причин польского вторжения и с призывом итти на фронт, а 6-го мая обратился к польским крестьянам, солдатам и рабочим, заявив, что Советская Россия не ведет войны против польского народа. Это воззвание разоблачало истинные причины войны и указывало подлинных ее виновников.

Тем временем волна польского наступления широко разливалась по Украине.

Бело-поляки одновременно хотели достичь двух важных целей: овладеть Киевом, важным политическим и промышленным центром Украины, и Одессой, богатым Черноморским пор-

том, дававшим возможность поддерживать прямое морское сообщение с Антантой; французская пресса давно уже говорила о выгодах, которые сулил французским коммерсантам захват Киева и Одессы, так как это давало им возможность покупать непосредственно хлеб и сахар на дешевые польские деньги. И вот, услужливая польская стратегия поспешила осуществить эти планы французской коммерции.

Поэтому для решительного наступления польское военное командование разделило свои силы так: большая их часть в составе 7 пехотных и 1 кавалерийской дивизии двигалась на г. Киев и Фастов; меньшая же часть, в составе 3 дивизий пехоты и всей остальной конницы, двигалась вдоль железнодорожной линии Проскуров—Жмеринка—Одесса. Таким образом, по распределению сил видно было, что главное значение бело-поляки придавали Киевскому направлению. Наши слабые и растянутые на широком фронте армии, прорванные в нескольких местах, с тылами, расстроенными налетами польских кавалерийских масс на узловые тыловые станции Коростень и Казатин, не могли сдержать стремительного напора польских армий и вынуждены были начать отступление, отбиваясь от наседавших на них бело-поляков. 28 апреля поляки овладели г. Житомиром, а 6 мая пал г. Киев. Вступая в пределы Украины, Пилсудский обратился с широковещательным воззванием к населению Украины; в нем он старался уверить рабочих и крестьян, что пребывание бело-поляков на Украине является лишь временным, что, закончив «славную борьбу за свободу народов», польские солдаты вернутся на родину, передав управление подлинному Украинскому правительству, а охрану границ Украины—«легионам атамана-генерала Семена Петлюры». Далее Украинский народ призывался к поддержке и «Украинского правительства» и «атамана-генерала» Петлюры силою оружия. Это воззвание не нашло никакого отклика в массах населения, которое отлично понимало, кто является его другом, а кто врагом. Дела польской и петлюровской армии сами опровергали слова их предводителя. На Украине, как и в Белоруссии путь их ознаменовался зверствами над пленными красноармейцами, насилиями и бесчинствами. Советское правительство Украины протестовало против этих зверств, грабежей и избиения мирного населения занятых поляками уездов Волынской и Подольской губерний [1]), обстрела беззащитных наших городов с аэропланов и проч. Не ограничиваясь подобными действиями в прифронтовой полосе, агенты бело-поляков и мировой контр-революции устроили ряд поджогов складов военного снаряжения и снарядов в Москве (9 мая пожар артилле-

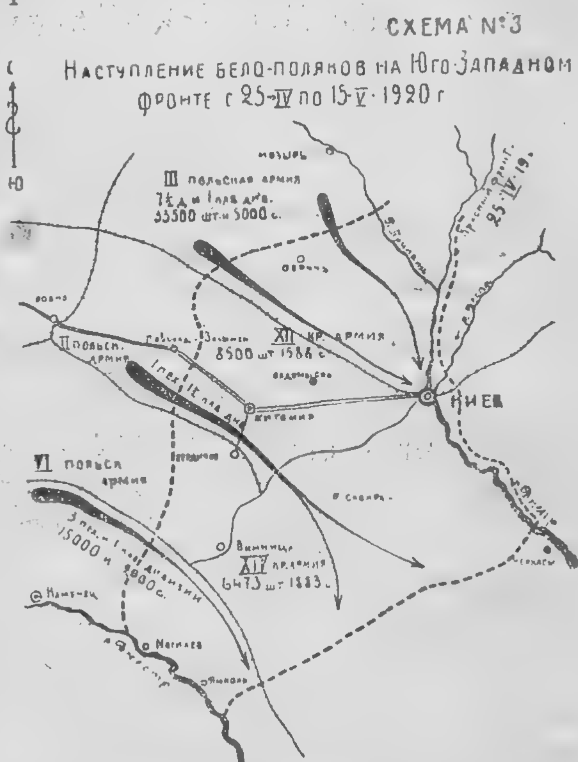
---

[1]) „Красная книга"—Издание Наркоминдел. Радиотелеграмма Раковского польскому министру иностранных дел Патеку от 26 апреля 1920 г., стр. 104.

рийских складов на Ходынке, 21 мая пожар складов снаряжения в Рогожско-Симоновском районе).

Все это делалось бело-поляками с вполне определенной целью—вызвать с нашей стороны такие же действия, разжечь национальную вражду между обеими сторонами и затушевать классовый характер войны.

Но Советское правительство не пошло на эту провокацию бело-поляков. 10 мая Революционный Военный Совет Республики издал приказ о гуманном обращении с пленными польскими солдатами. Кроме того, оба советские правительства в своей ноте к Антанте возлагали на нее ответственность за чинимые бело-поляками зверства.

Результаты наступления польской армии по расходящимся направлениям скоро начали сказываться. Получив несколько сильных частных ударов и постепено растягиваясь по мере своего наступления, бело-поляки скоро замедлили быстроту своего продвижения, и каждый дальнейший шаг доставлялся им все с большим трудом; было очевидно, что они уже выдыхаются и ввели в дело все свои силы. Особенно упорное сопротивление они встретили со стороны частей XII армии при своих попытках продвинуться по левому берегу Днепра восточнее г. Киева, и им пришлось ограничиться лишь удержанием в своих руках небольшого плацдарма впереди переправ через р. Днепр у Киева. К 15 мая фронт бело-поляков проходил на Украине примерно от устья р. Припяти вдоль по Днепру с выступом на восток впереди г. Киева. Между Каневым и Черкасами он заворачивал на запад через Звенигородку, проходил несколько севернее через г. Умань и упирался в р. Днестр южнее г. Сороки на Бессарабском берегу. В таком положении операции обеих сторон временно приостановились; южная белопольская группа пыталась еще сохранить наступательную инициативу в своих руках путем полного почти израсходования резервов, но ее наступательные попытки отбивались частями XIV армии.

Обращаясь к оценке результатов украинской операции бело-поляков, необходимо признать, что стратегические ее последствия были ничтожны и влекли за собою скорее большие невыгоды для бело-поляков, чем для нас; видимый их успех— временный захват г. Киева и значительной части правобережной Украины не оправдывал широкой растяжки польского фронта, принимая во внимание, что польскому командованию не удалось нанести сокрушительного удара армиям юго-западного фронта; это одно, а не временный выигрыш территории можно было бы посчитать за серьезный стратегический успех бело-поляков; этого-то как раз не случилось: обе наши армии быстро оправились и не потребовали от высшего командования нарушения общего плана войны путем усиления второстепенного театра за счет главного.

Что касается политических результатов польского наступления на Украину, то они были прямо-таки отрицательны для бело-поляков. Петлюровское движение не нашло никакого отклика в широких народных массах.

Бело-поляки таким образом удлинили лишь свой фронт на второстепенном театре, лишив себя возможности располагать свободными силами на жизненных и важнейших для себя направлениях.

Вторая половина мая характеризуется дальнейшим усилением наших войск и переходом инициативы в наши руки. Боевые столкновения развиваются на значительном протяжении всего фронта, причем наибольшую активность, силу и значение они приобретают на крайних флангах.

К этому времени уже окончилось сосредоточение наших войск на Западе, для операций на новом направлении, согласно плана тов. Тухачевского, и подошла на юго-западный фронт конная армия тов. Буденного. В виду того, что операции наших войск на правом фланге западного фронта начались несколько ранее, чем операции конной армии, бело-поляки совершили ошибку, сняв с Украинского театра 2 дивизии для поддержки своего левого фланга, чем облегчили действия нашей конной армии; в стремлении сохранить свой растянутый фронт бело-поляки начинают прибегать к частичным перегруппировкам, которые всегда запаздывают; действия их утрачивают уверенность, в то время как Красное командование продолжает методически выполнять свои планы, и чувствуется уже, что наступает перелом кампании. Этот перелом действительно скоро наступил.

Первые успехи Красной Армии.

Прибывший на западный фронт 30 апреля 1920 г. новый командующий фронтом, тов. М. Н. Тухачевский, коренным образом изменил план действий этого фронта. Согласно его плана, главный удар намечался из Полоцко-Витебского района

силами около 7-ми дивизий; для облегчения управления создавались две группы: одна на крайнем правом фланге, другая на крайнем левом фланге (Мозырская) с непосредственным подчинением командующему фронтом. Второстепенный удар намечался на Минск и был сопряжен с форсированием р. Березины силами двух дивизий, причем с помощью постепенно прибывающих резервов—операция эта должна была развиться до размеров решающей операции.

Направление главного удара намечалось на Молодечно и Лиду.

Этот план имел неоспоримые выгоды по сравнению с предшествующим: во-первых правый фланг нашей ударной группы обеспечивался более или менее нейтрализованной латвийской границей; во-вторых он шел в кратчайшем направлении на Варшаву, причем в случае успеха наша ударная группа оказывалась ближе к столице польской республики, чем большая часть сил бело-польской армии на западном и юго-западном фронтах; в случае удачи мы могли бы начать в данной обстановке весьма выгодное для нас параллельное преследование, так как наша ударная группа уже с района Молодечно начинала грозить всему флангу и тылу польского расположения. К этим общим мотивам надо присоединить и несколько соображений частного порядка. Прежде всего 3 дивизии резерва фронта как раз 30 апреля находились в районе Витебск—Полоцк, откуда легче всего прямым движением они могли выйти в район правого фланга фронта, тогда как оставление в силе прежнего плана действий потребовало бы их предварительного передвижения вдоль фронта на Минское направление. На это нужно было затратить много времени, а медлить было нельзя в виду развивающегося успеха бело-поляков на Украине; удар из Полоцкого направления отвлекал резервы противника от угрожаемого им юго-западного фронта на более дальнее растояние, чем удар с Минского направления. На Витебском направлении располагались более слабые части противника: 8-я пехотная и 2-я Литовско-Белорусская дивизий.

Наконец, выбранное для удара направление—район Молодечно—Вильно было важно и в политическом отношении, ибо затрагивало взаимоотношения Польши, Литвы и Латвии.

12 мая командующий западным фронтом отдал приказ армиям фронта перейти в решительное наступление и отбросить польскую армию к Пинским болотам. В исполнение этого приказа, северная группа должна была переправиться через р. Западную Двину в районе Дисна—Полоцк и атаковать противника в юго-западном направлении; XV армия должна была к 18 мая овладеть районом Шарковщизна—Докшица, XVI армия должна была не позже 17 мая переправиться через р. Березину в районе г. Борисова—м. Березино и в дальнейшем наступать на г. Минск.

В течение 14—15 мая войска северной группы сбили части 8 пех. и 2-й Литовско-Белорусской дивизий поляков и начали теснить их на их укрепленную позицию на линию м.м. Гомель—Ушачь, а также в направлении м. Березино—Докшицы; введенные противником в дело резервы в составе 3-й дивизии легионеров, бригады 6-й пехотной дивизии и полка 2-й пех. дивизии не исправили положения, и наши части продолжали развивать достигнутый ими успех в направлениях на Глубокое, Свенцяны, Молодечно и Минск; это непрекращающееся продвижение сильно обеспокоило польское командование, которое подтянуло к району боев еще $2^1/_2$ свежих дивизии с ближайших участков фронта и начало переброску на главный театр двух дивизий с украинского театра.

18 мая части XVI армии с боем переправились через р. Березину в Игуменском направлении, при чем направили свои удары на г. Игумен и ст. Жодино; 23 мая частями 8 стр. дивизии был занят г. Игумен, а 25 мая после упорных боев взят г. Борисов; 25 мая полякам удалось вновь отбить Игумен, но в общем наши войска значительно продвинулись вперед и утвердились на линии Поставы—Будслав—Зембин—р. Березина. На этом наступательные операции западного фронта временно приостановились. Следует иметь в виду, что XV армия, начавшая свое наступление с 60-ти верстного фронта к концу своего наступления растянула свой фронт на 180 верст; во время наступления она понесла значительные потери, а противник ввел в дело свежие силы; пути сообщения в тылу армии, главным образом железная дорога, были сильно разрушены противником, наши тылы отстали и необходимо было организовать их. XV армии после взятия г. Борисова не удалось развить дальнейшего успеха. В силу всех этих обстоятельств западный фронт перешел временно к пассивным действиям.

В это время на Украинском фронте, благодаря прибытию конной армии, тов. Буденого, события приняли совсем иной оборот. Совершив 1000 верстный марш, эта армия к 25 мая сосредоточилась в районе г. Умани; в составе ее числилось до 18 тысяч сабель, 48 орудий, бронеотряды, авиация и бронепоезда. К этому времени на Украйне со стороны бело-поляков действовали три группы, из которых сильнейшая—Киевская занимала район Белая Церковь, — Ракитно, — Тараща, — Володарка; Одесская группа противника по прежнему держалась на направлении Проскуров—Одесса вдоль линии железной дороги; в промежутке между двумя этими главными группами, обеспечивая их взаимную связь, действовала 11-я польская армия в составе 1 пехотной и $1^1/_2$ кавалерийских дивизий. В момент подхода конной армии бело-поляки начали частную перегруппировку на украинском фронте, сменяя на Киевском направлении польские части петлюровскими и стягивая польские

легионы к югу. В район Белая Церковь—Тараща спешно стягивалась «ударная» кавалерийская дивизия ген. Корницкого для противодействия нашей конной армии; две дивизии пехоты перевозились с Украинского фронта на Белорусский. Красное командование юго-западного фронта решило в первую очередь покончить с Киевской группой противника. Конная армия должна была двинуться в разрез между Киевской и Одесской группами противника в общем направлении на Казатин, т. е. прямо в тыл Киевской группе; одновременно с ее движением XII армия должна была наступать тремя группами: одна из них должна была, переправившись через р. Днепр южнее устья р. Припять двигаться в обход Киева, другая с фронта Черкасы — Звенигродка — на Васильков; наконец, третья группа имела задачу настойчивыми атаками удерживать противника восточнее Киева.

26 мая на рассвете конная армия, выдвинув 4 кав. дивизию к северу от г. Умани, развернулась под ее прикрытием и двумя колоннами двинулась на г. Сквиру и ст. Погребище. 29 мая произошло первое столкновение конной армии с конницей и пехотой противника; трижды повторенные атаки польской конницы, имевшей отличный конский состав, были отбиты 2-й бригадой 4-й кавк. дивизии; правая группа конной армии, продвигаясь вперед, вела упорные бои с 13 польской пех. дивизией; бои эти закончились полным разгромом 13 польской дивизии; наша 6-я кавк. дивизия в ряде конных атак изрубила свыше 2,000 тысяч человек, захватила 8 орудий, 8 пулеметов и обоз *). 2-го июня южная группа XII армии и конная армия уже выдвигаются к северу от линии г. Канев и Тараща, в это время противник пытается перейти в встречное наступление, нанося удар главным образом правобережной

---

*) А. Клюев. „Операции первой конной армии на польском фронте“. «Военная Наука и Революция» книга вторая 1921 г.

Приднепровской группе XII армии; в то же время он направляет свою конницу на правофланговые части конной армии под г. Сквирою. В ряде упорных боев тов. Буденый рассеивает конницу противника, поддержанную пехотой; в результате тов. Буденый прорывается в тыл противника, уничтожая гарнизоны тыловых опорных пунктов, и к 8 июня оказывается уже под Бердичевым и Житомиром на главных путях сообщения и связи противника с базой; к этому же времени правофланговая группа XII армии, двигаясь по правому берегу р. Днепра, стала выходить в тыл Киева. Это обстоятелвство в связи с выходом конной армии непосредственно в тыл II и III (Киевская группа) польских армий вынудило их к поспешному отступлению; III-я польская армия поспешно отступала вдоль железнодорожной линии Киев—Коростень, неотступно преследуемая красными частями; поляки бросали имущество и обозы и оставляли в наших руках многочисленные трофеи и пленных. Ввод в дело частных резервов не мог уже им помочь. Катастрофа на участке III и II польских армий, отразилась и на положении Одесской группы бело-поляков (VI армия), которая также вынуждена была начать спешное отступление; к половине июня месяца на всем украинском театре бело-поляки находились в полном отступлении, деятельно преследуемые красными войсками. 12 июня Красные части вступили в г. Киев, где глазам их представилась картина варварских разрушений, произведенных бело-поляками в этом городе.

Во время своих действий в тылу противника конная армия захватила там богатую военную добычу; особенно значительна она была в г. Житомире: там было захвачено 10 вагонов с английскими снарядами, эшелон с лошадьми, 2 вагона с пулеметами и пр.; освобождено из плена 5,000 красноармейцев и из тюрьмы около 2,000 томившихся там политических работников.

Наконец, державы Антанты выяснили свое отношение к предстоящим событиям. 22 мая последовал ответ Франции на ноту тов. Чичерина от 1 мая, в которой он возлагал на Францию и Англию ответственность за вторжение бело-поляков на Украйну. Французское правительство утверждало, что Советская Россия первая начала наступление на Польшу; так же ложно было заявление Франции, что в польской армии нет французских офицеров. В то-же время Бонар-Лоу в палате общин заявил, что английское правительство принуждено было оказать поддержку Польше, согласно договора, в ее борьбе против Советской России. Одновременно Советскому правительству стало известно, что Австрия через Чехо-Словакию переправляет в Польшу боевые припасы; это вызвало энергичный протест народного комиссариата по иностранным делам и угрозу применить репрессии к находящимся еще в России чешским военно-пленным.

Мы оставили западный фронт в то время, как XV армия, нанеся сильный удар противнику, временно принуждена была приостановить свое наступление. Эту приостановку бело-поляки с'умели использовать.

Подтянув с тыла резервы и влив пополнения в расстроенные части, они образовали три ударные группы: первую в районе Логайска, силою около 11 тысяч штыков, вторую на железно-дорожном направлении Полоцк — Вилейка, численностью до 10 тысяч штыков и третью на Свенцянском направлении в 10 тысяч штыков и 3000 сабель. 2 июня всеми тремя группами поляки перешли в концентрическое наступление на Докшицы вдоль железной дороги Вилейка—Полоцк на м. Будслав и на м.м. Дуниловичи, Глубокое.

Под натиском противника наши правофланговые части отошли сначала на линию р. Мнюта, а затем остановились на линии р. Аута-дефилэ между озерами Жадо и Сшо и за р. Березиной. Зато на левом фланге мы захватили 20 июня м. Горваль и 21 июня г. Речицы. Полякам не удалось восстановить вполне утраченного ими положения, и успех их имел чисто местное значение. После 10 июня они на западном фронте переходят к активной обороне, усиленно укрепляются и чинят дороги, а с 25 июня этот участок польского фронта окончательно становится пассивным.

Таким образом в результате майских и июньских боев наши успехи выразились в окончательном захвате инициативы в свои руки на западном фронте, серьезном разгроме противника на украинском фронте и занятии более благоприятного исходного положения для последующих решительных операций.

Бело-польский фронт был окончательно смят на Украине и неудержимо катился назад, но он был лишь надломлен на главном театре войны, и бело-поляки не теряли надежды на то, что им удастся поправить свое положение.

Ближайшей нашей задачей было сломить фронт противника на главном театре войны, и подготовкой к этой решительной операции занялось командование западным фронтом.

Неудачи на фронте сразу обострили внутренние противоречия в Польше. В июне месяце внутри Польши началось сильное забастовочное движение; в числе прочих требований забастовщики выставляли требования мира с Советской Россией; широкая агитация в пользу мира велась по всей стране. Польское правительство не могло справиться с этим движением. Угнетенные крестьянские массы Белоруссии и Галичины, надеясь на скорое освобождение от ига поработителей, поднимали восстания и жгли мосты на тыловых путях польской армии.

Видя, что собственными силами вряд ли удастся справиться с Красной Армией, польское правительство обратилось

за помощью к Франции. Французское правительство приступило было к отправке черных войск через Данциг, но тут-то и сказалась международная солидарность пролетариата: германский союз железнодорожников отказался перевозить эти войска.

Советское правительство, учитывая внутреннее положение Польши, обратилось еще раз с воззванием к польским рабочим, крестьянам и легионерам, указывая, что рабоче-крестьянской Польше не грозит никакой опасности от Красной Армии.

Наступление Красной Армии.

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших операций нашего западного фронта, бросим взгляд на ту политическую обстановку, на фоне которой суждено было разыграться наиболее решительным операциям всей летней кампании 1920 года.

Дипломатическая работа Советского правительства и его обращения как к правительствам, так и к трудящимся массам всех стран не остались «бесплодными». Ныне, по признанию самих наших противников, мы можем утверждать, что польский пролетариат не остался безучастным в этой борьбе; ряд июньских забастовок красноречиво свидетельствовал об этом, симпатии населения восточных областей Польши так же явно склонялись на сторону Советской России. Наконец, общественное мнение большинства держав, за исключением Франции и отчасти Америки, было также против наступательной политики Польши; пролетариат большинства стран Европы выразил свое сочувствие Советской России тем, что постановил в июле и августе начать блокаду Польши.

Таким образом к началу июля месяца внешняя и внутренняя политическая обстановка для бело-поляков изменилась к худшему.

Мы оставили войска западного фронта в момент остановки их на линии озер Жадо—Сшо—Межужол и р. Березины. Обстановка для обеих сторон была неопределенная: не могли продвинуться далее бело-поляки, но не могли развить контрудара и мы по недостатку для этого сил. Прибывающие из центра России подкрепления и пополнения дали возможность образовать две новые армии (III и IV). Число действующих дивизий возросло до 21—23. Деятельная подготовка с нашей стороны к энергичному наступлению продолжалась. Наконец, 4 июля было решено командованием западного фронта перейти в наступление.

К 4 июля силы бело-поляков на западном фронте достигали 48,000 штыков и 5,600 сабель; наибольшие силы занимали район Молодечно, где было сосредоточено до 17,000 штыков

и 500 сабель. Прибывшие подкрепления и пополнения довели силы Красной армии на западном фронте до 90,000 штыков, 6,000 сабель—всего же до 123,000 бойцов. [1])

Командующий фронтом оставил в силе свой первоначальный план, как наиболее отвечающий обстановке, т. е. удар главными силами по направлению на Молодечно вдоль железнодорожной линии Полоцк—Молодечно, при чем первой задачей было овладение Молодеченским железнодорожным узлом. Для главного удара предназначались IV, XV и частью III армии (всего 8 дивизий [2]), в то время как четыре дивизии должны были нанести вспомогательный удар на Минском направлении.

Мозырской группе несколько ранее было дано задание овладеть г. Мозырем с целью содействовать наступлению XII армии юго-западного фронта.

В указанный срок наши IV, XV и III армии перешли в решительное наступление. После упорных боев сопротивление главных сил польской армии в районе Германовичи—Докшицы было сломлено, и Красные войска начали преследование противника. XV армия энергичным ударом прорвала центр польских войск, а III армия отбросила прямо на север отходившие от м. Глубокое на Молодечно части вражеских армий; не менее успешно действовала и крайняя правофланговая—IV армия. Введенные в дело поляками последние резервы не исправили положения, и VII, I и IV польские армии вынуждены были начать поспешный отход. 10 и 11 июля Красные войска овладевают ст. Свенцяны и Молодечно, и наша конная масса—3 кавк. корпус тов. Гая, все вре время обходя левый фланг противника, вынуждает его отступать все дальше и дальше. Попытки противника задержаться на Нароческой укрепленной позиции также терпят неудачу. 5—7 июля наша XVI армия переправляется через р. Березину и начинает также теснить противника. Сосредоточение, по мысли командующего фронтом, сильной ударной группы на правом фланге нашего фронта, обеспеченного справа сначала нейтральной Латвийской границей, затем территорией сочувствующей нам Литвы и далее границей Восточной Пруссии, привело к тому, что фронт противника все время находился под угрозой охвата сначала конным корпусом тов. Гая, а затем главными силами наших правофланговых армий.

9 июля наши части захватывают г. Игумен; 10 июля бело-поляки принуждены оставить крепость Бобруйск, предварительно взорвав ее. 11 июля столица Красной Белоруссии, г. Минск вновь переходит в наши руки. 13 июля бело-поляки пытаются

---

[1]) Ф. Огородников—„Стратегия Красной армии". Журнал „Военная Наука и Революция"—книга вторая, 1921 г.

[2]) Полковник Форм—„Варшавское сражение". Польский военный журнал „Беллона"—август 1921 г.

задержаться на линии старых германских окопов по левому берегу р. Вилии, у Сморгони и Крево; но и здесь сопротивление не было продолжительно; 14 июля мы овладеваем г. Вильно, и левый фланг польского фронта отходит на линию р.р. Нарева и Щары; 19 июля конный корпус тов. Гая с боем овладевает крепостью Гродно; противник, сделав перегруппировку и подтянув резервы, пытается перейти в наступление из района Гродно, но эта попытка оканчивается неудачей: 25 июля наши части захватывают г. Волковыск и оттесняют I польскую армию за р. Свислочь. Двумя днями раньше Мозырская группа овладевает г. Пинском.

Отступление польских армий происходило по сходящимся направлениям; поэтому фронт их, сокращаясь, тем самым усиливался; кроме того поляки отходили на свои базы, откуда скорее могли получать пополнения. В силу этих обстоятельств сопротивление бело-поляков возрастало по мере их отхода вглубь Польши, и они неоднократно пытались задерживать наступление Красных армий и даже перейти в контр-наступление. Последнюю такую попытку перед Варшавой они сделали на Западном Буге и на направлении вдоль линии Варшавской железной дороги против наступающих частей правофланговых армий западного фронта. Здесь дело решил обходный маневр конницы тов. Гая, которая, двигаясь по южной опушке Августовских лесов, подошла к крепости Осовец и 27 июля овладела ею, а 29 июля заняла Ломжу и Новград. После этого IV и XV армии двинулись вперед, овладели Белостоком и Бельском и вышли на линии р.р. Нарев и Нурец.

Наступление XVI армии было несколько задержано упорным трехдневным боем под Пружанами и Кобриным, овладев которым XVI армия облегчила продвижение Мозырской группе, вслед затем она быстро выдвинулась на р. Зап. Буг и 1-го августа штурмом овладела фортами Брест-Литовска.

Операции юго-западного фронта за рассмотренный нами промежуток времени развивались не менее удачно.

После своих крупных неудач на Киевском направлении бело-поляки пытались организовать оборону на линии Олевск—Могилев Подольский. Однако, сопротивление их на этом рубеже было непродолжительно вследствие ударов нашей конной армии, двигавшейся на Новград-Волынский, и Ровно. Уже к 1-му июля наша конница вела бои в 40 в. восточнее Ровно, и противник угрожаемый обходом с севера, вынужден был оставить важный железнодорожный узел Шепетовку, противник лишился железнодорожного сообщения вдоль своего фронта Ровно—Каменец-Подольск, а вместе с тем оказались отрезанными от соседних частей его войска на Ровненском и Сарненском направлениях.

Вполне учитывая значение Ровненского направления, которое обеспечивало пути на Брест, польское командование приняло все меры к активной обороне Ровно. С этой целью оно

организовало контр-маневр в охват флангов наших войск, наступавших на Ровно; здесь поляки сосредоточили до трех свежих дивизий и повели наступление во фланг красным войскам от Сарн и от Староконстантинова. На это наступление мы отвечали встречным ударом нашей конницы, и противник, потеряв до 1.000 человек пленными, 40 пулеметов и 4 орудия был отброшен за р. Горынь. Развивая достигнутый успех, конница перехватила железную дорогу между Шепетовкой и Ровно и после упорного боя под г. Острогом Красная конница уже 4 июля овладела г. Ковно, захватив здесь до 1.000 пленных, танки, бронепоезда, артиллерию и много военного имущества. Также неудачно окончилась для противника попытка овладеть Шепетовкой, наступая с юга; эта попытка была отбита частными резервами, причем в конце концов противник 7 июля потерял и г. Староконстантинов. На Проскуровском и Каменец-Подольском направлениях противник держался несколько дольше, благодаря тому, что там у него была укрепленная полоса и что там дрались менее потрепанные части. Однако и здесь наша конница, воспользовавшись прорывом нашим у ст. Комаровцы, немедленно устремилась в него и произвела переполох и разгром в тылах противника; действия конницы помогли нашим частям прорвать позицию противника с фронта и вскоре он начал отступать на запад в пределы Галиции; 9 июля Красные войска овладевают Проскуровым, а 12 июля Каменец-Подольском; 14 июля наши части достигают водного рубежа р.р. Стыри, Иквы, Збруча; за этим рубежом, как это обнаружилось из захваченного польского приказа, противник решил обороняться. Особенно упорно оборонял противник Дубно-Ровненский район, неоднократно переходя в контр-атаки, но и здесь сопротивление его в конце концов было сломлено первой конной армией.

К 20 июля в Ковельском направлении наши войска подошли к р. Стырь, овладев ее восточным берегом примерно от линии железной дороги до м. Колки. В Дубно-Ровненском районе мы также вышли на берега этой реки на участке Луцк—Тарговица, утвердились в г. Дубно и переправились через р. Икву у Млынова; шли упорные бои за обладание г. Кременцом; южнее наш фронт шел по р. Збруч, причем происходили частные бои за переправы через эту реку.

С этого момента наши армии юго-западного фронта начали действовать по расходящимся направлениям, что оказало впоследствии отрицательное влияние на операции западного фронта по овладению Варшавой и линией р. Вислы.

Правый фланг юго-западного фронта (части XII армии) имел задачей овладение районами Ковель—Влодава, для обеспечения левого фланга западного фронта, в центре—конная армия тов. Буденого и левый фланг—XIV армия должны были овладеть Восточной Галицией, утвердиться в районе Львова, захват

которого имел для нас большое политическое значение. Сюда была двинута вся конная армия.

Таким образом значительная часть наших сил была отвлечена от выполнения главной задачи—окружения польских армий западного фронта.

Группа войск, назначенная для содействия западному фронту, после нескольких предварительных попыток форсирует р. Стырь на широком фронте и к 1 августа выходит на линию р. Стоход, с боем переправившись через нее она захватывает в течение 3 и 4 августа г. Ковель, а 7 августа выходит на р. Зап. Буг на участке от г. Влодавы до м. Корытница; 5 августа наша конница занимает г. Владимир-Волынский, а 11 августа г. Грубешов.

Пока происходят эти действия группы, содействующей западному фронту, главные силы юго-западного фронта вторгаются в пределы Восточной Галиции; наступление на Львов происходит по двум направлениям: Дубно—Буск и Волочиск, Тарнополь—Львов, и главнейшие столкновения происходят на этих направлениях. Особенным упорством отличаются бои на Бусском направлении, где действуют первая конная армия т. Буденого и значительные конные массы с польской стороны. В этих упорных боях перевес все-таки остается на стороне Красной конницы, и она к 28 июля достигает линии Чуровице, Холаюв, Буск, Подкамень, клином врезаясь в расположение поляков; сильными контр-атаками полякам удается потеснить нас к Бродам, чем замедляется наше наступление на Львовском направлении. Тем временем XIV армии удается форсировать р. Збруч—26 июля мы овладеваем первым значительным пунктов на территории Восточной Галиции—г. Тарнополем, но, подойдя к линии р. Серет, вновь натыкаемся на упорное сопротивление противника, замедлившее наше наступление на целых десять дней. Наступление наше в Чартковском направлении развивалось успешнее: 28 июля взят был г. Чартков, а 3 августа пал г. Бучач; вследствие этого противник вынужден был прекратить свое сопротивление и западнее г. Тарнополя.

Между тем правый фланг юго-западного фронта, исполняя поставленную ему задачу по обеспечению левого фланга западного фронта, в течение 7 и 8 августа с боем переправился через р. Зап. Буг и на 6 верст подошел к г. Холму. В таком положении наши части находились до 13 августа, когда противнику удалось одержать частичный успех под г. Грубешовым и вытеснить нашу конницу из этого города.

Падение фортов Брест-Литовска 1 августа еще не означало, что противник решил отказаться от обороны рубежа р. Зап. Буг; все говорило за то, что на этой реке он решил оказать упорное и длительное сопротивление. К этому времени среди его расстроенных и потрепанных частей начали появляться уже и новые формирования: это были, кроме всевозможных кара-

ульных и этапных частей, штурмовые отряды, маршевые батальоны и роты, пополненные большей частью добровольцами, плохо обученными, но подогретыми огнем шовинистической агитации. Таким образом армии противника хотя мало улучшились качественно, но зато увеличивались, и довольно значительно, количественно. Наши же армии, совершив в течение месяца переход около 500 верст и имея в своем тылу железнодорожную сеть, основательно разрушенную противником, давно уже потеряли прочную связь с тылами и могли расчитывать лишь на случайные источники пополнения.

Первые попытки частей XVI армии форсировать р. Зап. Буг, начавшись весьма удачно, окончились все-таки неудачей; противник продолжал удерживать в своих руках и цитадель Брестской крепости на левом берегу р. Зап. Буг.

Продвижение наших правофланговых частей на западном фронте в узком корридоре между Прусской границей и Наревом протекало вполне успешно, и наши части легко сбивали пограничные польские конные полки. 4 августа наши части достигли р. Зап. Буг в районе ст. Малкин-Нур. Здесь начались упорные пятидневные бои за переправы через р. Зап. Буг. Наши войска, несмотря на упорное сопротивление бело-поляков, поддержанных бронепоездами, танками и огнем 40 легких и 30 тяжелых орудий, 8 августа заняли ст. Малкин и переправились через р. у Нура. На крайнем правом фланге фронта 3 конный корпус еще 3 августа занял Кольно.

Не столько в силу этого обстоятельства, сколько вследствие нового плана действий польского командования, польские войска в ночь с 9 на 10 августа покинули линию р. Зап. Буг.

Эти планы польского командования, ныне вполне известные так-же как планы и соображения Красного командования, мы рассмотрим в следующей главе, посвященной Варшавской операции, а пока дадим краткий обзор политических событий, имевших мосто в этот период.

Державы Антанты, которые были вдохновительницами польской внешней политики, не могли остаться безучастными к тем воплям отчаяния, которые понеслись к ним с берегов Вислы, когда обозначилось победоносное наступление Красных армий на всех фронтах. Это наступление привело в трепет все буржуазные круги Европы и Польши. Польская и Европейская буржуазия вновь видела себя накануне того кризиса, который угрожал ей в начале 1919 г., когда социалистическая революция из области предположений грозила перейти в область фактов.

Ходатаем за панскую Польшу явилась Англия, воспользовавшись для этого переговорами, которые вел с нею т. Красин о возобновлении торговых сношений. 12 июля она пред'явила Советскому правительству ультиматум о заключении в недельный срок перемирия со Польшей, требуя при этом от-

хода советских войск от естественных этнографических границ Польши, а польских войск с территории Советской федерации. Далее предполагалось на конференции в Лондоне обсудить условия мира Советской России с Польшей и соседними государствами, причем граница между Россией и Польшей намечалась согласно плана Верховного Союзного Совета, принятого в 1919 г. Английское правительство заявляло, что в случае неисполнения этого требования союзники будут помогать Польше всеми доступными им средствами. Народный Комиссар по иностранным делам отвечал, что дело самой Польши и России договориться между собою об условиях мира, при чем указывал, что Советское правительство готово на более выгодную для Польши границу, чем та, которую определил для нее в 1919 г. Верховный Союзный Совет. Кроме того, по нашему мнению, Англия не могла в данном вопросе явиться нейтральным лицом, так как она помогала Польше в борьбе с нами.

Как раз в этот день Литва, избавленная от опеки держав Антанты, вполне добровольно и охотно заключила мир с Советской Россией. 20 июля Совет Народных Комиссаров в своем обращении к трудящимся массам России растолковал смысл ультиматума Англии. 21 июля II Конгресс Коммунистического Интернационала обратился к пролетариям всех стран с призывом не пропускать через свои территории военных припасов в Польшу. Воззвание это только подтвердило ранее принятое пролетариатом Европы решение помешать своим правительствам оказать реальную поддержку Польше.

Наконец, 22 июля панская Польша единственный раз за истекшие почти три года борьбы сделала сама первый шаг, конечно вынужденный, навстречу Советской России. В этот день панское правительство предложило нам установить немедленно перемирие и приступить к мирным переговорам. Советское правительство, которое не покинуло его миролюбие, несмотря на блестящие успехи на фронте, согласилось принять польскую делегацию.

1 августа польские представители прибыли в Барановичи. Но здесь опять обнаружилась лицемерная и двойная игра панского правительства. Прибывшая делегация представила лишь мандат на ведение переговоров о перемирии, при том подписанный лишь военным командованием. Делегации было предложено вернуться обратно за надлежащими документами. Между тем из разоблачений французского депутата Лафона Советское правительство узнало, что перемирием панская Польша намерена воспользоваться только для того, чтобы переорганизовать свою армию и подготовиться к новой войне.

Но все эти события затмило собою событие, явившееся лучшим доказательством правильности советской политики в отношении к Польше и правильной оценки этой политики со стороны польского народа.

31 июля на территории Польши образовался временный революционный комитет, который обратился к населению с призывом о свержении правительства Пилсудского и о заключении мира с Советской Россией. С своей стороны рабочая коммунистическая партия Польши обратилась с воззванием к пролетариям всех стран, указывая, что польское правительство полтора года правит на основе особого положения, что профессиональные союзы закрываются, рабочие кооперативы преследуются, тюрьмы переполнены рабочими, и что в борьбе польского пролетариата за свое освобождение самым тяжелым ударом было бы низвержение Советской власти в России. Но мелко-буржуазный кулацкий элемент Польши еще легко подпадал под влияние шовинистической агитации и пропаганды, которыми усиленно занялась польская буржуазия, интеллигенция и духовенство. Следствием этой агитации было довольно значительное количество добровольцев, усиливших собою поредевшие ряды польской армии. Но зато и международный пролетариат проявил высокое понимание своего исторического призвания и общности классовых интересов. Широкое рабочее движение в течение августа месяца охватило Англию и Францию. В Англии образовался рабочий «Совет действия», постановивший оказывать сопротивление всякой попытке вооруженного вмешательства Англии в борьбу между Советской Россией и панской Польшей, добиваться отозвания всех морских сил, действующих против Советской России, признания Советской России и заключения торгового договора с ней. Это постановление последовало в ответ на угрозу английского правительства вновь предпринять блокаду Советской России, если только немедленно не начнутся переговоры между нею и Польшей. Между тем панское правительство принимало все меры, чтобы затянуть эти переговоры. Так, 7 августа оно заявило, что готово выслать своих представителей в Минск для переговоров о перемирии и мире, но делегация вместо того, чтобы прибыть к нашим передовым частям, какими-то судьбами оказалась в Седлеце, где и была захвачена в плен нашими войсками, занявшими этот город. 10 августа польское правительство затребовало с нашей стороны представления условий мирного договора, что и было исполнено; одновременно с этим условия мирного договора были сообщены и Англии. Наконец, когда наши части стояли уже почти под стенами самой Варшавы, польская мирная делегация проследовала через них в г. Минск, где вскоре и начались переговоры между Советской Россией и панской Польшей.

Условия мира, пред'явленные нами Польше, были следующие: 1) Ограничение численного состава бело-польской армии до 50.000 человек и создание помимо этого вооруженной милиции из городских и промышленных рабочих под контролем рабочих организаций Польши, России и Норвегии. 2) Демо-

билизация остальной части белой польской армии с передачей излишней части вооружения и снаряжения Советской России и Украине. 3) Демобилизация военной промышленности. 4) Возврат ранее оккупированным областям захваченного у них подвижного состава и лошадей и оказание помощи разоренному населению опустошенных белою Польшей местностей. 5) Участие в мирных переговорах представителей рабочих и батрацких организаций. 6) В территориальном отношении Советская Россия делала Польше большие уступки, чем те, которые предусматривались нотой Керзона. 7) Для экономических целей Советская Россия стремилась получить в свое распоряжение участок железной дороги Волковыск—Белосток—Граево. 8) Белая Польша должна наделить безвозмездно землей семьи польских граждан, убитых на войне, или утерявших трудоспособность. 9) Военно-пленные польские офицеры являются заложниками за польских коммунистов.

Преследуя цели мира и интересы широких трудящихся масс России и Польши, Советское правительство намеревалось положить этими условиями предел империалистической политике панского правительства Польши и создать прочный фундамент братского сожительства польского и русского народа. Но это вовсе не входило в планы панского правительства.

Рассчитывая поправить свои военные дела и энергично подготовляясь к переходу в наступление, оно нарочно затягивало переговоры.

Сражение на берегах Вислы и начало нашего отхода.

Мы приближаемся к событию, явившемуся поворотным пунктом во всей кампании и резко изменившему общую обстановку к невыгоде Красной армии. Чтобы вполне уяснить себе его причины, мы должны бросить общий взгляд на те условия, в которых находились обе воюющие стороны, собственно их армии, ко времени подхода Красных войск к линии р. Вислы, рассмотреть положение обеих армий и планы и намерения их командования.

Красная армия, как мы имели уже случай указать, совершая свой беспримерный в военной истории марш-маневр, на протяжении 500 верст с железнодорожной сетью в тылу, основательно испорченной противником, оторвалась от своих тылов, которые естественно при разрушенном транспорте не могли поспеть за нею, и поэтому с каждым шагом вперед она испытывала все большую нужду во всех видах снабжения. Особенно остро чувствовался недостаток в снабжении боевыми припасами и в укомплектованиях; дивизии, начавшие поход в составе примерно 6.000 штыков каждая, при подходе к р. Висле насчитывали в своих рядах не свыше 2.000—2.500 штыков.

В силу же того, что тылы остались далеко позади, не было надежды на скорое прибытие укомплектований. Если в начале нашего наступления с берегов Зап. Двины, Березины и Днепра наши силы в боевых линиях относились к боевым силам противника как 8 к 5, то ко времени перелома кампании это отношение выразилось уже цифрами 4 к 10, т. е. противник ко времени боев под Варшавой был сильнее нас в два с половиной раза [1]).

Положение для польской армии складывалось совсем иначе. По мере ее отступления в глубь Польши она приближалась к своим базам и источникам укомплектования, которые оказались настолько обильными, что поляки получили возможность запасные батальоны своих действующих полков обратить во второочередные и третьеочередные полки, что и создало огромный перевес сил на их стороне. Это обстоятельство надлежит постоянно иметь в виду, так-как наш бывший противник не только старательно о нем умалчивает, но всегда и всюду твердит о якобы значительном численном превосходстве красных войск в момент начала решительных операций под Варшавой. Мы лично—считаем, что указанная мера увеличила численность польской армии по крайней мере на 10 дивизий.

Кроме мероприятий по усилению численности армии, польское командование приняло меры к инженерному усилению театра решительных боев. В тылу польской армии строились Варшавские предмостные укрепления, которые должны были быть закончены к 12 августа.

Еще 6 августа польское командование приняло новый план действий, который сводился к следующему [2]):

1) Удержать Варшаву во что бы то ни стало. 2) Решиться на потерю пространства на южном фронте и благодаря этому получить численное превосходство на севере.

Для этого решено было северную группу армий оттянуть на линию Ново-Георгиевск — предмостное укрепление Варшавы—средняя Висла и путем сокращения фронта и частных перегруппировок создать ударную группу для атаки левого крыла и тыла Красной армий, наступающих на Варшаву. В исполнение этого плана группе генерала Галлера в составе V, I и II армий была дана задача оборонять фронт Ново-Георгиевск—Варшава—Средняя Висла: II-й армии, составленной из наиболее пострадавших и менее надежных частей, давался наименее опасный участок.

---

[1]) Ф. Огородников. „Стратегия Красной армии“—статья в журнале „Военная Наука и Революция“ книга вторая 1921 г.

[2]) Полковник Фори „Варшавское сражение“. Польский военный журнал „Беллона“—август 1921 года.

Маневренная группа под начальством самого Пилсудского в составе IV и III армий, сосредоточившаяся в районе Ивангород, должна была 16 августа перейти в наступление с Нижнего Веиржа, а именно: IV армия в составе 3-х дивизий должна была наступать с фронта Ивангород-Коцк на Ново-Минск, а III-я армия в составе также трех пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад одновременно должна была двинуться в направлении на г. Бела с фронта Любартов—Холм, прикрываясь р. Зап. Буг. Оборона Галиции, главным образом Львовского района и нефтяного бассейна, возлагалась на VI польскую армию.

Перед самым началом боев на подступах к Варшаве, польское командование дополнило этот план тем, что своей V армией оно также дало активную задачу, соответственно усилив ее и решив направить ее удар по стыку наших IV и XV армий.

Красное командование в силу общих политических соображений стремилось к скорейшему захвату Варшавы; несомненно, что этим был бы брошен факел в костер социалистической революции не только Польши, но может быть и всей Европы. Командующему западным фронтом приказано было выполнить эту задачу 12 августа.

После того, как армии западного и юго-западного фронтов оставили за собой Полесье, обстановка требовала об'единения управления армиями обоих фронтов в руках единого командования. Возможно, что тогда не получилось бы действий армий юго-западного фронта по расходящимся направлениям.

Командующий западным фронтом т. Тухачевский строил свой план форсирования р. Вислы и овладения Варшавой, именно в предположении, что в его распоряжение к моменту начала решительных операций на р. Висле перейдут XII и I конные армии. Однако этого не случилось, и обе армии за исключением правофланговых частей XII армии, обеспечивающих левый фланг западного фронта, продолжали свои операции в Восточной Галиции. Поддержка левого фланга западного фронта частями XII армии была настолько слаба, что когда началось действительное наступление противника против левого фланга и тыла западного фронта, эти части легко были откинуты противником. Лишь 17 августа в момент разгара операций на берегах Вислы обе армии были переданы в распоряжение командующего западным фронтом, причем I конная армия еще четыре дня промедлила с выполнением приказа и лишь к 20 августа начала свое сосредоточение в районе Владимира-Волынского. Эти мероприятия явились уже запоздалыми и потому не могли иметь влияния на общий ход дел.

Тов. Тухачевский, вполне уверенный в своевременности перехода в его подчинение XII и конной армий, учитывая численное превосходство противника, предполагал форсировать

Вислу выше и ниже Варшавы, оставив перед нею лишь необходимый заслон и, в случае успеха этой операции, овладеть Варшавой с тыла. Активная роль по прежнему оставалась за правым флангом западного фронта, который поэтому делался сильнейшим.

В основу этого плана легли следующие соображения: нельзя было давать противнику спокойно оставаться и укрепляться за сильной оборонительной линией р. Нарева, так как усилившись там, он легко мог ударить на наши сообщения, отходившие параллельно Нареву в северо-восточном направлении, вдоль по линии железных дорог Варшавской, Бологое-Седлецкой и Александровской; это было бы тем более опасно в момент, когда наши главные силы целиком ввязались бы в бой за Варшаву на правом, а может быть и на левом берегу р. Вислы.

Если бы командующий фронтом своевременно получил в свое распоряжение XII и I конную армии, он мог бы их сосредоточить сначала в районе Люблина; тогда не возникало особых опасений за судьбу заслона, остающегося перед Варшавой на правом берегу Вислы, так как группа от Люблина всегда могла изменить направление своего движения и, свернув на север, атаковать противника во фланг и тыл, сближаясь вместе с тем с нашим заслоном.

В конечном итоге командующий фронтом предполагал, растянув XVI армию в виде заслона на правом берегу р. Вислы перед Варшавой, сосредоточить северную ударную группу составе IV, XV, III армий и конного корпуса Гая на участке Плоцк—Новогеоргиевск и перебросить их на левый берег Вислы в то время, как южная ударная группа в составе XII армии, конной группы и Мозырской группы должна была переправиться через Вислу в районе Ивангорода.

В исполнение этого плана IV армия должна была сблизиться с III и XV армиями, но она, вследствие плохой связи со штабом фронта, безостановочно двигаясь на запад, сначала уклонилась, а потом и оторвалась от них и не оказала никакого воздействия на завязавщееся впоследствии сражение на фронте XV и III армий.

Таким образом, вследствие ошибки командования IV армией, план командующего фронтом не вполне осуществился на правом фланге фронта и совсем не осуществился на левом. Оба эти обстоятельства. в связи с двойным численным превосходством противника и оказали решающее влияние на операции Красных армий на берегах р. Вислы.

В ночь с 9 на 10 августа бело-поляки покинули рубеж р. Зап. Буга и сразу же оторвались от наших частей: их арьергарды имели задачу удерживать нас ровно столько времени, сколько понадобится на окончание Варшавской предмостной позиции и на беспрепятственное завершение намеченной пере-

группировки; несколько упорнее они удерживались на подступах к Варшаве и Новогеоргиевску с северо-востока. Эта операция удалась им; лишь III польская армия не смогла незаметно оторваться от правофланговых частей нашей XII армии, в силу чего ее перегруппировка несколько запоздала.

Армии западного фронта продолжали следовать за противником, постепенно стягиваясь к правому флангу, как это намечалось основным планом тов. Тухачевского.

К 12—13 августа армии западного фронта вышли на фронт Яблонова, Влоцлавск, Плоцк, Плонск, Радимин, Гарволин, Коцк, Любартов, Холм общим протяжением 490 верст.

На правом фланге двигалась IV армия в составе 4-х стрелковых дивизий и конного корпуса тов. Гая; она растянулась на 200 в. от Яблонова через Плоцк к Плонску; затем шла XV армия также в составе 4-х дивизий на фронте в 30 верст; обе армии находились на подступах к Новогеоргиевску и по обеим сторонам р. Зап. Буг; четыре дивизии XVI армии занимали фронт в 66 верст на подступах к Варшаве и далее до Гарволина; наконец, слабая Мозырская группа, в составе одной стрелковой дивизии и отдельного отряда прикрывала левый фланг западного фронта, будучи растянута на 140 верст и держала связь с XII армией, правый фланг которой находился у Холма, а левый у м. Белз севернее Львова (см. схему).

Таким образом, общее расположение Красных армий представлялось сильно скученным в центре и растянутым и слабым на флангах, при чем левый фланг был настолько растянут и закинут назад, что фактически наиболее сильная и активная польская группа Пилсудского; III и IV армии ($6^1/_2$ пех. дивизий и 2 кав. бригады) пришлась против пустого места. Последнее обстоятельство предрешало заранее успех плана действий поляков по крайней мере в его главных чертах. В расположении поляков замечается резко проведенная идея маневра: две ударные группы у Ивангорода и Новогеоргиевска связаны между собою растянутой II армией, но эта армия прикрыта с фронта сильным рубежом р. Вислы и имеет фланги обеспеченные расположением ударных групп; наконец, намечается третья ударная группа, II армия, которая пока имеет более ограниченную задачу—обороны г. Варшавы.

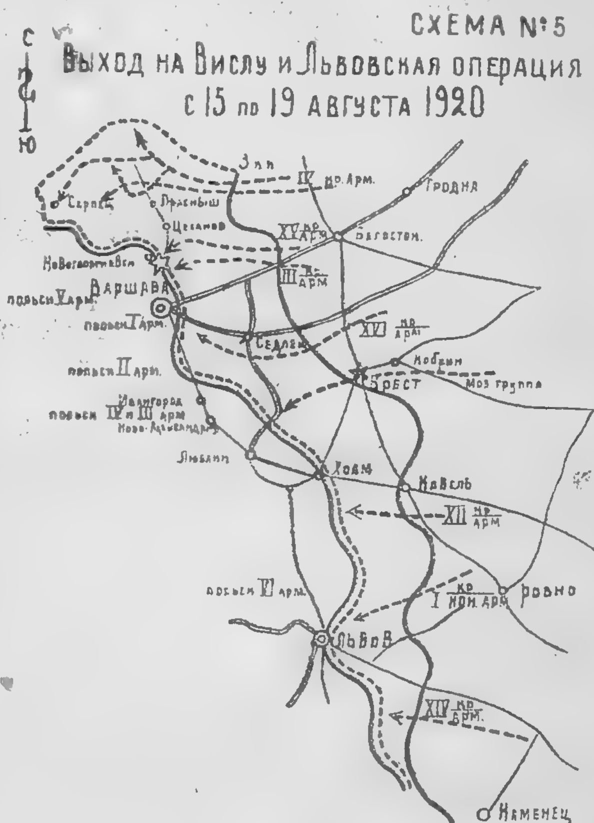
13 августа главные силы западного фронта вновь вошли в тёсное боевое соприкосновение с бело-поляками, и начались упорные бои за Варшавскую предмостную позицию: особенным упорством они отличались на северо-восточных подступах к Варшаве. Г. Радимин несколько раз переходил из рук в руки и, наконец, остался за бело-поляками.

IV армия, как мы уже указали, в силу плохой связи со штабом фронта, продолжала безостановочное движение на запад: передовые части 3 конного корпуса перешли р. Древенцу, выдвинулись к г. Торну и частью переправились через р. Вислу

у Влоцлавска; пехотные части армии заняли Страсбург, Липно, Серпец, Цеханов.

Таково было положение, когда начали сказываться следствия контр-маневра поляков.

Следует упомянуть, что вышеизложенный план бело-поляков не был полной неожиданностью для командования западным фронтом; еще 9 августа нами был перехвачен приказ польского командования с изложением этого плана. Надеясь на своевременное сосредоточение в Люблинском районе XII и I конной армии, командующий фронтом считал, что этих сил с придачей им мозырской группы будет достаточно для ликвидации попытки III и IV польских армий. Против же Новогеоргиевской ударной группы должны были действовать наши III, XV и IV армии с конным корпусом Гая, если бы эти части не оторвались далеко к северу. Но так как намеченное по плану сосредоточение своевременно не осуществилось, то командующий фронтом, для того, чтобы более прочно обеспечить свой левый фланг, приказал 15 августа вывести в свой резерв левофланговую дивизию XVI армии—8 стрелковую и к 17 августа расположить ее в районе Лукова. Однако, и это распоряжение запоздало, так как противник предупредил нас.

14 августа V польская армия начала наступление из района Новогеоргиевска своим левым флангом; 15 августа после длительных и упорных боев с частями XV армии передовые части противника занимают Цеханов, но нам удается выбить их оттуда; 16 августа, однако, XV армия, несмотря на отчаянное сопротивление, под напором противника вынуждена оставить свои позиции на р. Дзялдувка и начать отход на линию р. Нарева; уже утром 16 августа командующий XV армией [1]) в своем

---

[1]) Н. Кудрявцев. „Очерк боевых действий Красного Западного фронта". Литературно-Издательский Отдел Политуправления Реввоенсовета Западного фронта 1921 г.

донесении командующему фронтом высказывается за целесообразность планомерного отхода. Одновременно и правофланговая дивизия III армии под сильным натиском противника покидает свое расположение, чем ставит в еще более трудное положение XV армию.

Воспользовавшись этим, противник на этот раз уже прочно занимает г. Цеханов и отрезывает IV Красную армию от ее сообщений с тылом. Эта армия, еще при первом занятии бело-поляками Цеханова предприняла перегруппировку с целью разбить Новогеоргиевскую группу противника, но вследствие разбросанности ее, эта перегруппировка во время не могла осуществиться. Тем временем конный корпус тов. Гая получил приказание овладеть г. Плоцком, а затем нанести удар на Плонск для поддержки 54-й и 18 стр. дивизий, направленных на выручку 33-й стр. дивизии, отошедшей из под Цеханова; 12 стр. дивизия спешно шла от Лаутенбурга через Сольдау на Млаву.

3 конный корпус затратил два дня на бои в г. Плоцке, которые протекали с крайним ожесточением; к этому времени XV и III армии были уже сильно потеснены противником, а части 3-х дивизий IV армии, успевшие сосредоточиться в районе Млава—Цеханов в свою очередь получили сильный удар и не могли пробиться через Цеханов. 21 августа IV армия начала свой отход на Млаву; с этого момента она оказывается предоставленной сама себе, и лишь очень немногим ее частям удается прорваться обратно; большая же часть армии в конце концов вынуждена перейти на Прусскую территорию и там интернироваться.

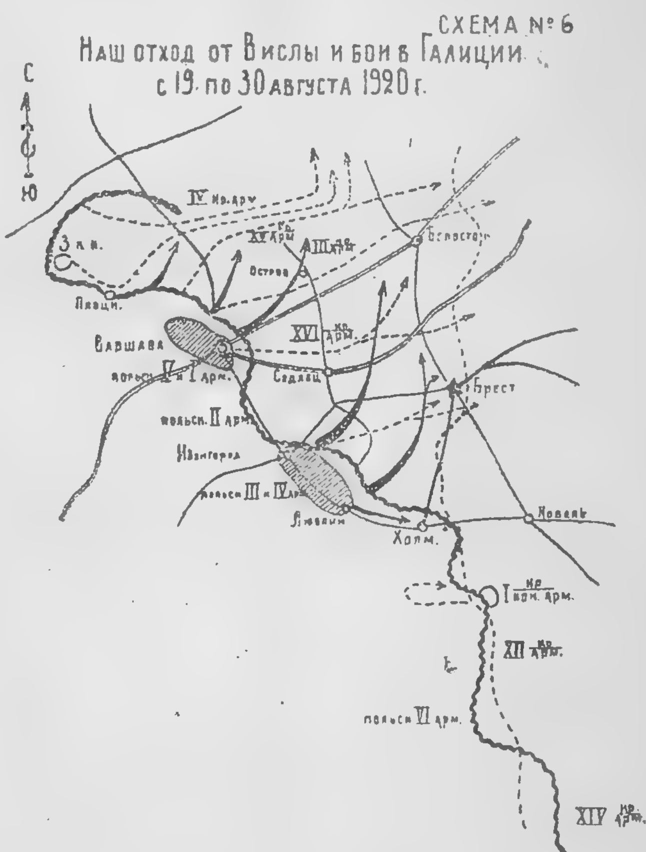
Пока происходят эти события на правом фланге, XV и III армии под непрекращающимся натиском бело-поляков вынуждены отойти уже на линию Маков—Вышков. На крайнем левом фланге фронта в это время также развиваются не менее решительные события.

15 августа I и III польские армии переходят в наступление. 16 августа IV польская армия, сбивая с своего пути разбросанные части 8 стр. дивизии, овладевает Гарволиным и отбрасывает на восток 57-ю стр. дивизию Мозырской группы; III польская армия в этот же день занимает Парчев и Влодаву. Как мы уже упоминали, выход в резерв фронта 8 стр. дивизии не состоялся, за недостатком времени; вместо этого ее разбросанные бригады оказываются как-бы вкрапленными в гущу наступающих колонн VI польской армии; управление дивизией быстро теряется, и бригады по одиночке начинают пробиваться на север и северо-восток.

17 августа IV польская армия продолжает свое движение и после боев в районе посада Колбель с частями 8 стр. и 10 стр. дивизий к вечеру овладевает г. Ново-Минском, к которому в это же время подходят части I-й польской армии, дви-

гающиеся к этому пункту от Варшавы; 10 стр. дивизия XVI армии, прикрывавшая г. Ново-Минск и ведшая бои с фронта с частями I-й польской армии, в то время как во фланг и тыл ей двигались части IV польской армии, после длительного и упорного сопротивления оставляет г. Ново-Минск; в ночь с 17 на 18 августа части IV польской армии овладевают Калушиным и Седлецом, выходя таким образом на сообщения XVI армии, а III польская армия занимает Межиречье, Бялу, Славатич и двигается на Брест-Литовск.

Таким образом, вследствие невыгодного общего стратегического положения армий западного фронта, противнику в первые три дня его наступления удалось достигнуть весьма крупных результатов; IV армия была накануне полного окружения, XV и III армии понесли настолько чувствительные удары, что уже 20 августа командующие XV и III армией доносили командующему фронтом, что необходимо лишь попытаться вывести в большем или меньшем порядке то, что возможно.

Из состава XVI армии за два дня боя выбыли, как управляемые единицы, две дивизии, что составляло около половины всех ее сил.

Командующий фронтом, совершенно ясно понимал сложившуюся обстановку. Однако, немедленное отступление армий фронта ставило в совершенно безвыходное положение IV армию, и пока еще оставалась хоть какая-нибудь надежда на ее присоединение к остальным армиям фронта командующий фронтом медлил с началом быстрого отступления. Он предполагал переменить фронт на юго-запад, прикрываясь р. Зап. Бугом и обеспечивая новым своим расположением свои сообщения с тылом, собрать IV армию в районе Щучин, Ломжа, а на левом фланге фронта сосредоточить стратегический резерв в количестве двух дивизий.

Но сильный первоначальный удар, испытанный всеми армиями фронта, общая малочисленность дивизий и быстрота наступления противника помешали осуществлению всех этих планов.

После того, как окончательно выяснилось, что Красные армии отступают, польские армии были перераспределены следующим образом: в группу под начальством генерала Галлера вошли I и V польские армии; в группу под начальством Пилсудского вошли II, IV и III польские армии. Армии обеих групп, за исключением III армии, круто завернули на север, стараясь перехватывать наши отходящие части либо загонять их в пределы Восточной Пруссии, при чем группа Пилсудского должна была захватывать части почему-либо ускользнувшие от армий Галлера. Полностью осуществить этот план бело-полякам удалось лишь в отношении IV Красной армии. Не будучи в состоянии пробиться у Цеханова, она двинулась на Млаву и Кольно, все время выдерживая бои с наседавшим на нее противником, который 22 августа успел занять г. Ломжу. Под Кольно части IV армии, испытывая большой недостаток в патронах и снарядах, и будучи окружены со всех сторон противником, вынуждены были перейти на Прусскую территорию, что они и выполнили в течение 23—25 августа. Окончательный план поляков, сводившийся к полному окружению и уничтожению армий западного фронта, либо интернированию на прусской территории не осуществился.

Красные армии, численно вдвое слабейшие, в крайне невыгодной для себя стратегической обстановке, имея противника все время в тылу, с‘умели выйти из сжимавшегося вокруг них кольца и хотя с значительными потерями в обозах, материальной части и особенно в артиллерии, довольно скоро восстановили свою боеспособность. Впрочем, окончательно западный фронт восстановился еще не скоро, чем и об‘ясняем мы дальнейшие успехи противника на этом фронте.

К концу августа 1920 г. наши войска довольно прочно утвердились на фронте, проходившем несколько западнее г. Гродно—Новый Двор—Свислочь—Пружаны—Кобрин, далее шел фронт XII и I конной армий, переданных наконец в подчинение командующего западным фронтом; здесь линия фронта проходила через Ковель, Луцк и Дубно [1]).

Тяжелое положение, в котором оказались наши войска после отхода их с берегов Вислы, вынудило командование Западным фронтом для облегчения их отхода прибегнуть к активным действиям. Эту задачу должна была выполнить

---

[1]) Н. Кудрявцев. „Очерк боевых действий Красного Западного фронта". стр. 27.

I конная армия при поддержке XII армии. 25 августа конная армия получила приказание двинуться на Замостье—Красностав для действий во фланг и тыл поляков, теснивших армии западного фронта. Однако, бои I-й конной армии в этом районе не получили дальнейшего развития, и ее приказано было вскоре вывести на отдых в район Грубешов—Крылов.

После этого почти на всем западном фронте установилось сравнительное затишье.

Противник устраивает и подтягивает свои тыли и производит новые перегруппировки; наши войска также устраиваются и приводятся в порядок после понесенных тяжелых потерь.

Мы оставили войска юго-западного фронта в тот момент, когда в начале августа месяца 1-я конная армия отошла от г. Броды под натиском противника и, перегруппировавшись к северу от него, повела наступление на Львов с фронта р. Стырь в общем направлении на Камионку-Струмилову; на этом направлении она вовлеклась в упорные, но успешные для себя бои и 13 августа достигла фронта Радзихов-Топоров, имея обеспеченный фланг у Стоянова. Эти бои и были причиной ее несвоевременного выходя на Люблинское направление, что в значительной степени помешало осуществлению плана командующего западным фронтом.

Действия этой армии позволили нам вновь выйти на фронт Броды—Подкамень—Езерна. Наше продвижение в Восточной Галиции продолжало развиваться успешно: к 20 августа наш фронт на Львовском направлении проходил верстах в 15—20 восточнее Львова, и мы занимали г.г. Бобрка, Перемышляны и Поморжаны: наша 8 кав. дивизия совершает налет на Миколаев и Стрый в глубокий тыл противника. Начиная с 25 августа, противник предпринимает частное наступление в Львовском районе; ему удается принудить нас отойти к г. Буску и вытеснить наши части из района Глиняны-Перемышляны. Между тем левофланговые части юго-западного фронта после 11-дневных упорных боев форсируют р. Стрыпу и выходят на линию р. Свирж и р. Днестр на участке от устья Свиржа до Мариамполя. В этом районе противник также переходит в наступление и к 31 августа ему удается оттеснить нас на линию р. Гнилой Липы. Однако, 5 сентября мы вновь восстанавливаем утраченное положение. До первой половины сентября мы успешно отбиваем все попытки противника отбросить нас с фронта Буск—Рогатин—Гнилая Липа—Днестр.

Таким образом в течение $1^1/_2$ месяцев мы ведем на второстепенном театре бои с переменным успехом; эти бои связывают те наши силы, которые могли бы принять решительное участие в операциях на главном театре в нужное для этого время. В конце концов неудачи на главном театре отражаются и на ходе дел на второстепенном театре.

Мирные переговоры начались—война продолжается.

Пока происходят события столь крупной важности на обоих театрах военных действий, мирные переговоры в Минске затягиваются. Польская делегация старается свалить всю вину за происходящую войну на Советскую Россию. Наконец, 23 августа она заявляет о неприемлемости наших мирных условий. Военные успехи укрепили его положение, оно усилилось еще реакционными элементами, которые вошли в его состав. Соглашательская партия польских социалистов (П. П. С.) также послала туда своего представителя. Это правительство образовало «Союз защиты государства от большевиков» и энергично формировало добровольческие отряды. Коммунистическая партия Польши не была еще достаточно сильна для того, чтобы поднять восстание в момент подхода Красных армий к Варшаве; ее деятельность сильно связывалась дезорганизационной работой партии социалистов соглашателей и белым террором, который свирепствовал во время нашего победоносного движения к берегам Вислы.

Обе советские делегации выставили свои условия мира. Они предлагали польской делегации выставить свои. Однако, последняя, выжидая исхода завязавшихся боев, от этого уклонялась, Наконец, 30 августа с согласия обоих правительств, заседания мирной конференции были перенесены в Ригу.

В половине сентября боевая деятельность на обоих наших фронтах вновь оживляется, при чем инициатива на этот раз всецело принадлежит противнику. Сосредоточив значительные силы на Гродненском, Пружанском и Ковельском направлениях, противник захватывает г.г. Пружаны и Ковель, что вынуждает правый фланг XII армии оставить г. Луцк и отойти за линию р. Горынь. Все атаки противника на Гродненском направлении первоначально были отбиты частями нашей III армии, но в конечном результате и здесь мы вынуждены были несколько отойти назад. Однако, противник понес здесь настолько значительные потери, что вынужден был прекратить свое наступление, чем воспользовались наши части III армии и контр-атакой восстановили нарушенное положение.

Потерпев неудачу с фронта, белопольское командование не остановилось перед нарушением нейтралитета Литвы и по ее территории обошло части нашей III армии с правого фланга и тыла. Одновременно с этим бело-поляки повели наступление на Волковыск, на части бывшей Мозырской группы, переименованной в IV армию и на части юго-западного фронта в пределах Галиции, в состав которого 26 сентября вновь вернулись XII и I конная армии.

Обход правого фланга всего нашего фронта по территории Литвы, вынудил наше командование 25 сентября оттянуть назад войска западного фронта.

Отход совершался в полном порядке, особенно на участке III армии. Наши отходящие части, встречая вышедшие им в тыл колонны противника, атаковывали их и, беря многочисленных пленных и трофеи, отбрасывали их со своего пути отступления. 27 сентября подобный случай произошел у м. Лебеда, причем в наши руки попало 2.000 пленных, а 28 сентября таким же образом наши отступающие части выбили противника из г. Лиды. В связи с отходом правого фланга западного фронта и центр его (XVI армия) отошел назад за р. Шара. На крайнем левом фланге западного фронта партизанский отряд Булака-Балаховича ворвался 26 сентября в г. Пинск и оказался в тылу главных сил IV армии, дравшихся восточнее г. Кобрина, что вынудило их начать отход в северо-восточном направлении за р. Ясельда.

Не менее сильный натиск противника за это время пришлось испытать и юго-западному фронту. 16 сентября после трехдневных упорных боев на Бродском и Золочевском направлениях, а также на участке Галич-Залешики противнику удается сбить части юго-западного фронта, он начинает развивать достигнутый успех и ему удается вытеснить нас из пределов Восточной Галиции. В дальнейшем обнаруживается и нажим противника на стык юго-западного и западного фронтов; здесь противник к 30 сентября оттесняет нас к рр. Уборть и Случ, прорвав наше расположение севернее Тучина в направлении Корец—Новоград-Волынск. На левом фланге после упорных боев наши части занимают фронт Юзефполь, Летичев, Деражня-Ваньковцы, р. Камос. Здесь петлюровские части в ожидании скорого перемирия стремятся выиграть как можно более территории, и к 20 октября линия юго-западного фронта уже проходит по р.р. Уборть и Случ, через м. Сальница, Литин, Межиров, Носовецкая и далее по р. Мурафа. Пока происходят эти события на юго-западном фронте, части западного фронта сравнительно спокойно продолжают свой отход на Молодечненском направлении. На Минском направлении противник проявляет значительную активность, стремясь к захвату столицы Красной Белоруссии. После упорных боев бело-поляки сбивают нас с линии р. Шары и 29 сентября, благодаря частичному прорыву с фронта и маневру конницей во фланг, овладевают Барановичским железнодорожным узлом. 1 октября мы теряем Новогрудок, а 5 октября кавалерийские части противника появляются в 5 верстах южнее Минска. Во всех этих операциях мы особенно больно чувствуем отсутствие нашей Красной кавалерии, интернированной в Восточной Пруссии. Коротким ударом наши части отбрасывают зарвавшегося к Минску противника верст на 20—30 от этого пункта, но уже 11—12 октября противник вновь переходит в общее наступление на фронте от оз. Вишневского до Слуцка, протяжением более 200 верст. Особенно стремительно наступают бело-поляки

на Полоцком направлении. Наши части, на каждом шагу сдерживая противника, отходят к линии р.р. Зап. Двина и Березина. На Минском направлении после 3-х дневных упорных боев противник овладевает 16 октября г. Минском, но 17 октября оставляет столицу Красной Белоруссии в силу подписанного 12 октября в г. Риге перемирия. Не менее оживленно протекали боевые действия и на участке Слуцк—Полесье, вплоть до вступления в силу перемирия. Лишь с 18 октября на обоих фронтах устанавливается спокойствие, и части белопольской и Красной армии приступают к занятию демаркационных линий, согласно условиям перемирия.

Перемирие и борьба с бандитами.

Еще 23 сентября чрезвычайная сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в целях предотвращения зимней кампании, которая тяжким бременем легла бы на трудящиеся массы России и Польши, признала возможным отказаться от первоначальных наших требований к панской Польше. Согласно новым нашим условиям устанавливалась независимость Литвы, Украины, Белоруссии и Восточной Галиции, причем в отношении последней мы признавали плебисцит по буржуазно-демократическому, а не по советскому принципу. Далее мы отказывались от всех наших требований в отношении белой польской армии и ее вооружения, а также от железнодорожного участка Волковыск—Граево; государственная граница, согласно нашему новому предложению, намечалась восточнее линии, установленной верховным союзным советом 3 декабря 1919 г., при чем Восточная Галиция оставалась к западу от нее.

Политика нового панского правительства вызвала реакцию даже среди шовинистически настроенных кругов польского общества. Польские национал-демократы громко требовали прекращения «Украинской затеи», основываясь на том, что Советское правительство имеет неисчерпаемый людской материал.

Польская партия социалистов (соглашателей) высказалась за признание этнографической границы Польши и за дружеское сожительство с Россией.

Английская и французская печать рекомендовали белой Польше умеренность в ее требованиях.

Наконец, 12 октября в Риге были подписаны договоры о перемирии и предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой. Согласно этим условиям признавалась независимость Украины и Белоруссии, устанавливалась государственная граница примерно в ее нынешнем начертании и признавался взаимный суверенитет;

обе стороны отказывались от взаимного вмешательства во внутренние дела и от возмещения военных расходов и убытков.

Кроме того, панская Польша отказывалась от поддержки контр-революционных организаций Врангеля, Петлюры и Савинкова. Был установлен также обязательный обмен заложниками, взаимная амнистия и вознаграждение для Польши за имущество, вывезенное из нее, начиная с 1 августа 1919 г.

23 октября этот договор был утвержден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, 24 октября Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом, а 26 октября Польским сеймом.

Однако, для Красной армии не пришла еще пора окончательно положить оружие и перейти к мирной работе.

В момент перемирия между панской Польшей и Советской Россией вооруженные силы контр-революционных организаций Петлюры, Савинкова и Булака-Балаховича оказались как-бы выжатыми из пределов белой Польши на территорию Советских республик. Хотя с самого же начала перемирия выяснилась неискренность политики панского правительства в отношении Советской России, но тем не менее, оказывая тайную поддержку этим организациям, белое польское правительство все-таки не решалось помогать им явно, и вооруженные силы Савинкова, Булака-Балаховича и Петлюры вынуждены были действовать на собственный риск и страх.

Характерно при этом, что эти мелкие хищники, подражая своим хозяевам—крупным империалистами, никак не могли сговориться между собою и установить единый план действий. Это дало возможность Красной армии легко ликвидировать их по частям.

После необходимых перегруппировок, части XIV армии с 10 ноября перешли в общее наступление против частей петлюровской армии и в течение недели нанесли ей ряд таких ударов, после которых она в полном расстройстве отхлынула на территорию восточной Галиции, где и разоружилась.

Пока происходила ликвидация частей Петлюры на юго-западном фронте, наши части западного фронта также быстро справились с бандами Савинкова и Булака-Балаховича.

Известный авантюрист и бандит Булак-Балахович, воевавший с набранным им партизанским отрядом бандитов против нас в Латвии и Эстонии, весною 1920 года, после заключения нами мира с этими государствами, перебрался в Польшу. Там отряд его увеличился до 1.000 человек. В Брест-Литовске Балахович устроил свою главную квартиру и начал набирать добровольцев. Будучи в Польше, он близко сошелся с известным контр-революционным заговорщиком Савинковым и они вместе на деньги, широко отпущенные Антантой, принялись из бандитов и дезертиров формировать «народную армию Белоруссии». Им удалось извлечь также некоторое количество плен-

ных красноармейцев, которые шли в эту армию в надежде избавиться от тягости бело-польского плена и при удобном случае вернуться обратно к своим. В июле месяце у Балаховича была уже одна дивизия, сформированная подобным образом; эта дивизия участвовала в боях против наших войск на Лунинецком направлении в то время, как в Калише и Люблине спешно формировались другие части Балаховича.

После перемирия с Польшей части эти были спешно выброшены за пределы польской демаркационной линии; они уже достигали численности 8.000 штыков и 1.000 сабель и были сведены в три пехотные и одну кавалерийскую дивизию.

С этими войсками Балахович стремительно двинулся вперед, потеснил наши передовые части и 10 ноября занял г. Мозырь, после чего продолжал свое движение на Калинковичи и Речицу; под этим городом он получил первый сильный удар от частей 10 стр. дивизии, которые успели сосредоточиться к этому времени; вскоре же обнаружилось движение наших резервов на тылы Балаховича в направлении на г. Мозырь. Еще в самом начале наступления Балаховича в среде его армии началось разложение, которое все увеличивалось; бывшие пленные красноармейцы толпами переходили на нашу сторону. 20 ноября наши войска вновь заняли г. Мозырь и приступили к полному окружению армии Балаховича. 21 ноября Балаховичу с остатками своих частей удалось проскользнуть севернее Мозыря, но наши войска, неотступно преследуя его, совершенно расстроили и рассеяли его «армию». Сам Балахович с небольшим отрядом около 500 штыков и 300 сабель успел ускользнуть обратно на польскую территорию, где и положил оружие в конце ноября.

Зима 1920—21 г. прошла без каких-либо особых событий; часть войск западного и юго-западного фронтов разошлась по мирным стоянкам, оставшиеся войска несли службу на демаркационной линии и помогали, по мере возможности, местному населению в налаживании его мирной жизни и в хозяйственном строительстве.

Казалось, что между Советской Россией и панской Польшей уже исчерпаны все недоразумения, и обе стороны могут вступить на путь более тесных добрососедских отношений и совместной экономической работы. Но эта перспектива не нравилась врагам Советской России. Больше всех старалась этому помешать империалистическое правительство Франции. Опираясь на малочисленные, но политически сильные империалистические круги Польши, Франция вновь толкнула панское правительство на путь новых враждебных действий против Советского правительства. На этот раз средством и орудием этой кампании явились не регулярные силы бело-польской армии, а русские украинские и бело-русские контр-революционные организации, оставшиеся на территории Польши и

не перестававшие пользоваться тайным покровительством панского правительства, несмотря на его уверения в официальных сообщениях, что оно не имеет ничего общего с этими организациями. Одновременно с этим, польская и русская эмигрантская контр-революционная печать повела при попустительстве панского правительства энергичную травлю Советской России и ее официальных представителей в Польше.

Но самая борьба, в зависимости от изменившихся условий, приняла иные формы. Капиталисты Антанты убедились, что открытой вооруженной силой Советской России взять нельзя, что интервенция выдохлась окончательно. Действительно, по сравнению с предприятиями Колчака, Деникина, Юденича, борьба, начатая Врангелем является уже попыткой чисто местного значения, а выступления Петлюры и Балаховича осенью 1920 года сводятся на роль простой авантюры, легко подавленной войсками советских правительств.

Поэтому и империалисты держав Антанты и отечественные контр-революционеры, скрывшиеся за границей, пришли к заключению, что необходимо применить новые методы борьбы.

Известный заговорщик и политический авантюрист Савинков, свивший себе прочное гнездо в Польше и состоящий в тесных отношениях с главой польского государства Пилсудским, создал план взрыва Советской власти изнутри. Савинков провел большую организационную работу, связался с контрреволюционными обществами и бандитскими организациями внутри России и всю зиму усиленно занимался вербовкой мелких партизанских отрядов и их главарей, а также агентов подстрекателей в самой Польше. К весне в пограничной полосе Польши, примыкающей к территории Р. С Ф. С. Р. ему удалось устроить целую сеть штабов и баз, где формировались, снабжались всем необходимым и направлялись через границы советских республик банды контр-революционных партизан, разбойников и погромщиков. Тем-же самым занимался и Петлюра, сидя со своим правительством в г. Тарнове, но уже специально для территории Советской Украины; оба они, и Савинков, и Петлюра, установили между собою известное соглашение. По мысли этих заговорщиков, после того как дезорганизационная работа их банд проявится в достаточной мере, широкое крестьянское движение должно было окончательно поколебать устои Советской власти, а небольшая «народная» армия, содержащаяся до нужного времени в польских концентрационных лагерях, могла-бы нанести окончательный удар Советской власти. Заговорщики не учли только одного обстоятельства, что широкие народные массы советских России и Украины вовсе не собирались свергать свою собственную власть по их указке и что трудовые массы рабочих и крестьян без всякого постороннего вмешательства и содействия привыкли сами решать все свои дела. Поэтому все движение, на которое возлагалось столько

надежд иностранными и отечественными капиталистами и контрреволюционерами, вылилось лишь в форму беспочвенного бандитизма, не нашедшего никакого отклика в широких народных массах.

Как-бы то ни было, но, начиная с весны 1921 г., бандитское движение, слабо проявившееся в течение зимы, начало усиливаться и на Украине и в пределах Гомельской и Минской губерний западного фронта.

Красное командование вынуждено было повести решительную борьбу с этим движением и принять ряд мер к полному и быстрому его подавлению.

Для этого явилась необходимость об'единить все мероприятия военного и административного характера на каждом угрожаемом участке в одних руках. Поэтому летом 1921 г. был образован сначала военный революционный совет Минского района, а 31 августа того-же года такой-же совет образовался в Витебском районе. В состав советов вошли командующие войсками по назначению из центра, местные представители власти и Р. К. П. по роду своей работы, соприкасающиеся с вопросами борьбы с бандитизмом.

Вся территория, охваченная бандитским движением, была покрыта целою сетью оккупационных гарнизонов и летучих отрядов, которые повели энергичную борьбу с бандитами. Результаты этой системы быстро сказались: часть бандитских шаек была уничтожена и захвачена, часть рассеялась и была переловлена по одиночке а остальные бандиты своевременно убрались за-границу (в их числе и известный анархо-бандит Махно, нашедший гостеприимный приют и убежище в пределах Румынии). К концу осени бандитское движение потеряло почву и как организованное явление покончило свое существование. Остались лишь небольшие шайки чисто разбойничьего типа, борьба с которыми ведется специальными органами.

Заключение.

Если рассматривать борьбу Советской России с панской Польшей с точки зрения тех целей, которые преследовали обе стороны, то необходимо отметить, что панская Польша не достигла своих целей. Действительно, панская Польша стремилась к захвату Украины, Белоруссии и части коренных русских областей, входивших в границы Польши до 1772 г. Этих целей она не достигла. Мало того, белая Польша в результате получила границы меньше, чем предлагало Советское правительство в январе 1920 г., на 59.650 кв. верст с населением в 4.474.000 человек.

Но не эти результаты являются конечно, важнейшими для Советских республик. Значение этой борьбы для них заклю-

чается в том, что советские правительства в международном масштабе дали доказательства постоянства, миролюбия и прямоты своей политики. Не взирая ни на какие колебания военного счастья и перемены во взаимоотношениях политических сил, тон политики советских правительств остается неизменным, ровным и постоянным. В сознании своей правоты и силы, оба советские правительства обращают свой голос к трудящимся всего мира и в конце концов добиваются того, что пролетарии всех стран слышат этот голос и чем дальше, тем больше убеждаются в нашей правоте.

Какой жалкой, по сравнению с этой советской политикой, является политика белой Польши, вся построенная на лицемерии, двуличии, хитростях и уловках.

В моменты величайших военных потрясений и успехов Советская Россия не теряет ни достоинства, ни выдержки; она твердо верит в окончательное торжество своего дела. Иначе обстоит дело с панской Польшей.

Панское правительство далеко не отличается выдержкой и спокойствием; оно не может опереться на свои широкие трудящиеся массы, отношение которых к войне и к нему самому, конечно, хорошо ему известно. Поэтому всякие колебания военного счастья приводят его в панику и оно спешит прибегнуть к помощи «всемогущей Антанты». Кому приходилось читать польские буржуазные газеты во время победного нашего движения к берегам Вислы, тот никогда не забудет того сплошного вопля отчаяния, который несся со страниц этой печати ко всем могущественным покровителям и защитникам белой Польши.

Но эти покровители и защитники были уже далеко не так всемогущи, как это казалось обезумевшим от ужаса польским капиталистам, помещикам, промышленникам и попам. Пролетариат Антанты не только сказал свое веское слово по поводу происходивших событий, но и подтвердил его действием.

В этом последнем обстоятельстве и заключается великое историческое значение для пролетариата всего мира борьбы панской Польши и Советской России. Результаты этой борьбы были весьма значительны в смысле увеличения международной солидарности пролетариата; в частности, необходимо отметить огромный сдвиг в рабочем классе Англии и Франции.

Стратегия панской Польши носит на себе характерные черты ее политики. Заносчивая и стремительная в периоды успеха она быстро теряется, когда неудачи ее преследуют, и тогда она неудачно начинает маневрировать своими резервами, перебрасывая их с одного фронта на другой.

Являясь послушным слугой французского капитала, эта стратегия в начальный период развертывания армии совершает крупную ошибку. А именно: она обращает главное внимание

на второстепенный театр военных действий и сосредоточивает на нем большую часть своих сил. За это она платится крупными неудачами на главном театре, едва не приведшими ее к потере столицы белой Польши—Варшавы.

Контр-маневр польских армий, предпринятый ими с берегов Вислы во фланг и тыл наших армий, правда, содействовал перелому в ходе кампании.

Но в конечном итоге вся операция не дала тех результатов, на которые расчитывало польское военное командование. Красные армии не были отрезаны от своих сообщений; последнюю участь пришлось испытать лишь одной нашей правофланговой армии. Таким образом, польскому военному командованию, мечтавшему о Каннах или Седане для Красных армий пришлось удовлетвориться более скромными результатами. Правда, и они были значительны, но не следует забывать, что свыше, чем двойное превосходство противника и то небывало выгодное стратегическое положение, в котором он оказался совершенно случайно перед началом операций, чрезвычайно облегчили ему достижение этих результатов.

Стратегия Красной армии является продолжением политики Советской власти, но лишь иными средствами; она не ставит себе захватнических целей. Она лишь обороняется. Но чтобы оборона была успешна, она должна быть активна. Активная оборона тогда только может расчитывать на успех, когда живая сила врага разбита. Вот основная причина, перебросившая Красные армии с берегов Двины, Днестра и Березины на берега Вислы.

Правильная оценка значения театров дает свои результаты. Красное командование не позволяет противнику навязывать себе его волю, а вполне определенно преследует свои цели, в конечном итоге заставляя противника подчиниться им. Первоначальные успехи противника на второстепенном театре не заставляют Красное командование отказаться от своих целей и ослабить главный театр в пользу второстепенного. Оно будет попрежнему искать решения на главном театре и готовиться к нему. Твердость в проведении своего решения—характерная черта нашего Красного командования. Эта твердость оправдывается последующими событиями: решительное сражение на западном фронте заканчивается для нас в первый период кампании полным успехом.

Готовясь к сражению на берегах Вислы, наше высшее командование, равно как и командование западным фронтом предусматривало возможность нанесения бело-поляками удара со стороны Ивангорода. Если-бы сосредоточение нашей Люблинской группы (Мозырская группа, XII и I конная армия) совершилось своевременно, ударной группе Пилсудского (III и IV польские армии) не удалось бы так легко совершить свой победный марш по почти пустому пространству. Меры к этому

своевременно были приняты нашим главным командованием, но тут следует иметь в виду те случайности, которые, несмотря на все расчеты, иногда оказывают свое пагубное влияние на ход военных действий. Если-бы связь действовала более исправно, может быть I конная армия не втянулась бы в упорные бои на Львовском направлении, и вообще перегруппировки на правом фланге юго-западного фронта выполнены были-бы скорее.

Необходимо подчеркнуть еще то трудное положение, в котором к концу лета 1920 г. находилось командование юго-западным фронтом, вынужденное разделять свое внимание по расходящимся направлениям между польским и врангелевским фронтами, из которых последний как раз начал проявлять в это самое время значительную активность.

Основную причину неудачи, принявшей для нас такие размеры, мы усматриваем не в частностях той или иной группировки, а в огромном численном превосходстве противника (пропорция 10 к 4). Этот непреодолимый закон числа и обеспечил бело-полякам успех их плана.

В течение всей трехлетней почти борьбы бело-польская армия превосходила Красную армию в материальном, техническом и часто в численном отношениях. Тем не менее, Красная армия доблестно выполнила все задачи, возложенные на нее рабоче-крестьянской властью. Особенно трудно было ее положение летом 1919 г. и осенью 1920 г. В этом нельзя не усмотреть высокого морального превосходства Красной армии, укрепившей свой дух среди невзгод и испытаний.

Этот высокий дух и политическая зрелость помогали ей всегда сознательно относиться и к сладости побед и горечи неудач.

Н. Какурин.

